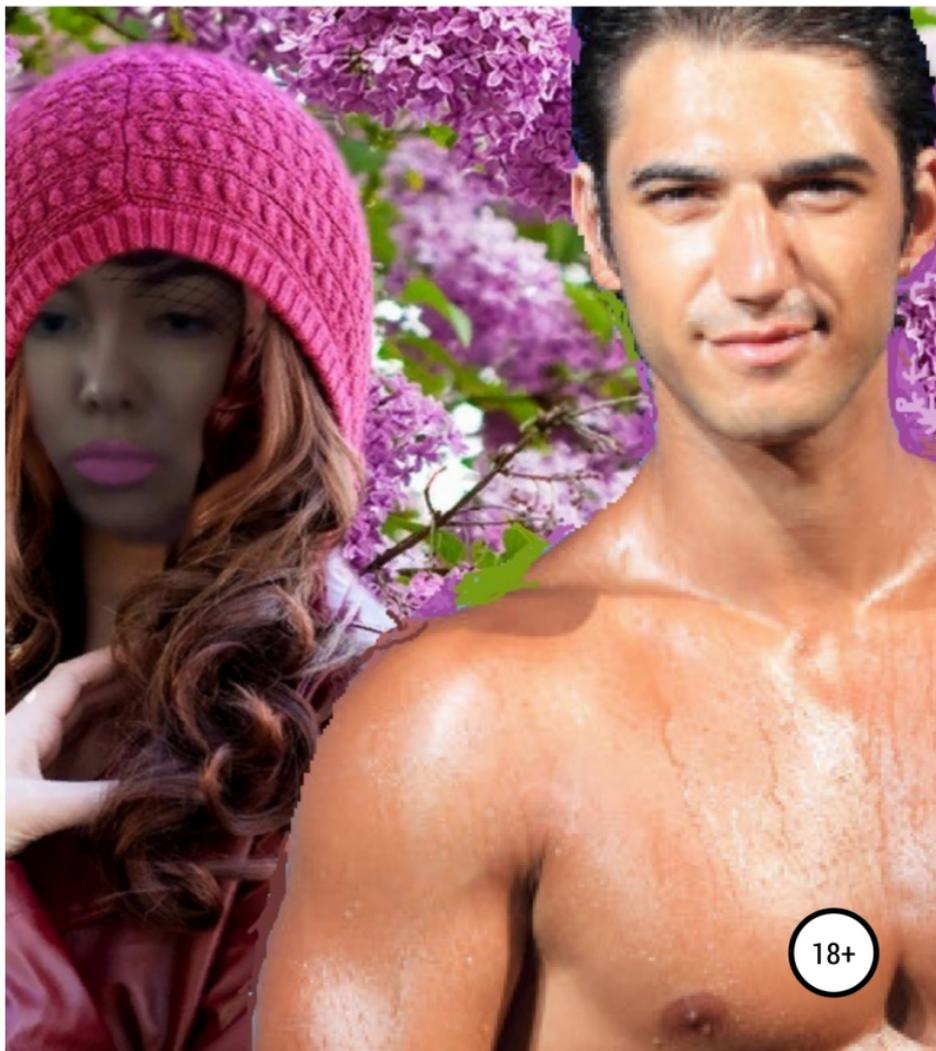

галина губайдулина

УДАЧНО ВЫЙТИ ЗАМУЖ

Галина Ивановна Губайдуллина

Удачно выйти замуж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63762096

SelfPub; 2021

Аннотация

1438 год. Восточный Суссекс, деревня Робертсбридж. У Джессики есть жених Ирвин, рыбак. Они с детства друзья. У него вернулся из подмастерьев строителей брат Сильвер. На вопрос матери о чувствах к Сильверу Джессика отвечает, что тот так прекрасен, о нём можно только мечтать, но он задиристый брат жениха. И всё шло к свадьбе, как вдруг, стирая у реки, Джессика обидела баронета Рудольфа Дэллингриджа, который спрыгнул к ней из окна своей башни с одеждой из одной верёвочки с волчьим клыком на шее. От такого отбиться нелегко... далее в ход идут ножи и полный деревенский этикет: вилы в левой руке, коса в правой... И отец Джессики тянет со свадьбой с Ирвином... А тут ещё французские пираты набег на деревню предприняли...

Галина Губайдуллина

Удачно выйти замуж

1.438 год. Восточный Суссекс, деревня Робертсбридж недалеко от границ графств Кент, Западный Суссекс и Суррей. Последний понедельник мая. Праздник Наступления Лета.

Джессика видела во сне огромное солнце, которое закрыло собою весь небосвод. От солнца оторвалась вспышка и летела в сторону стоящей на земле девушке.

Она закричала и проснулась.

–Мама!

Мать тут же села к ней на кровать. Обняла. У обеих были необыкновенного цвета глаза – насыщенного зелёно-голубого.

Пожилая женщина интересовалась:

–Доченька, неужели ты дурной сон видела?

Семнадцатилетняя девушка взахлёб поведала:

–Огромное красное солнце летело прямо на меня! А ещё вспышка оторвалась шаром и летела ко мне ещё быстрее!

–О, кто-то ещё полюбит тебя, но ты не поверишь чувствам этого человека. А вспышка – это тревоги по этому поводу.

Девушка звонко рассмеялась:

–Разве мой жених Ирвин позволит кому-то даже рядом со

мною постоять?

Девушка быстро соскочила с кровати и, накинув платье, побежала помогать матери на кухне.

В кухне на полках стояли глиняные горшки, кувшины, миски и кружки с росписью в синий круг. Пол застелен почти белой доской северного ясеня с небольшими серыми разводами.

Перед завтраком мать набросила на стол сукно в клетку, поставила масло, молоко, варёную морковь, жареное мясо, после чего пошла будить мужа Каспера. Он работал на соляных шахтах мастером, редко улыбался, но сегодня в праздник был весел.

Задорно рассказывал дочери:

–Знаешь, как я отбил твою мать у красавца-соседа? А ходил с ней на рынок, покупал подарки, вот она ко мне и пере-метнулась, у того жениха денег совсем мало было. Да, Онер?

Женщина грустно подпёрла подбородок и говорила:

–А бывший жених стал таким неприглядным: толстым, противным, зато твой отец с годами заматерел и до сих пор красив...

Каспер поучал дочь:

–Смотри, чтоб твой жених тоже не скупой был.

–Что за деревня у нас Робертсбридж такая... Порядочных женихов нет,– сетовала мать.

–Ирвин Мэд чем не жених?– развела руками дочь.

–Голодранец,– махнула рукой Онер,– А для девушки так

важно удачно выйти замуж...

– Зато дома строить научится. Его вернувшийся из подмастерьев брат Сильвер научит, – заступалась за жениха Джессика.

Отец хохотнул:

– Да что-то твой Ирвин, как ходил с отцом на рыбалку, так и ходит. А Сильвер один за 2 месяца сделал мостик к их дому через речушку – приток реки Ротер, затем дома черепицу на крыше поменял, дорожку из камня выложил. Девятилетний малец Глени, их младший брат, и тот больше старшему брату помогает.

На праздник только бедные девушки были одеты в белое, Джессика хвастала жёлтым платьем, из пряжи, выкрашенной листьями тополя. Платье девушки украшали вышитые кружева. Её мать надела красную кофточку с чёрной юбкой. В русые волосы дочери слева приколот цветок фиолетового ириса. В светлых волосах Онер цветок голубооко крокуса справа. Всё по древним традициям англов.

Они вышли из дома с главой семейства Вангурд. И гордо пошли к рыночной площади. В их дворе с не меньшим достоинством разгуливали суссекские куры белые с чёрными перьями на хвосте и горле.

Их дом отличался внушительными габаритами от других строений села, два этажа, полностью из досок и с деревянной крышей. Такие дома были ещё у старосты села, егеря барона

и управляющего замком Бодиама. Да трактир «Гресс» имел 2 этажа.

На рыночной площади ходили на ходулях, танцевали, играли в игры, вели торговлю первой зеленью, мясом, рыбой и выпечкой. Цыгане гадали и отплясывали с сельчанами.

Сильвер играл с соседским парнем в «перетягивание палки», к его взмокшему телу прилипла белая рубаха, обрисовывая мощный, накаченный на стройке стан и огромные бицепсы. Игроки сидят друг против друга, упёршись ступнями, взявшись руками за палку. Выиграет тот, кто перетащит противника к себе или противник подождёт ноги. Соседский детина, тоже был не слабак, но рухнул под смех и гвалт толпы лицом в колени Сильвера.

Семья Вангурд подошла к двадцатилетнему Ирвину и его родителям. Глени, видать, где-то бегал. Все дружелюбно поздоровалась. К ним подошёл и двадцатисемилетний Сильвер. Старший брат жениха, увидев Джессику, на несколько секунд застыл, разглядывая повзрослевшую односельчанку.

Проронил:

– Меня не было 9 лет, все так выросли и изменились...

Он отличался от младших братьев. Те, по-южному были чернявы и загорелы, как и их отец. У Сильвера же были шатеновые волосы, нос побольше и с лёгкой горбинкой, более светлая кожа. Может, больше походил на симпатичную блондинку-мать?

– Козу надо купить, – пробурчал отец братьев суровый Ми-

ко Мэд.

–Я на базаре видел: твоя коза там уже ходит. Иди, покупай. Только деньги где возьмёшь?– с издёвкой, но по-доброму, шутил Каспер Вангурд.

–У денег есть плохая особенность – кончатся. Но Сильвер немного скопил на заработках на стройке, вот поделился...– хвастал глава семьи Мэд.

Ирвин дёрнул старшего брата за рукав, указывая:

–Сэлли, гляди: рафли «Колесо Фортуны»! Дашь деньги погадать?

–Пойдёмте,– кивнул тот младшему брату и его невесте.

Он заплатил цыгану с табличками-рисунками. Первым взял пшеничное зерно Ирвин, закрыл глаза, его раскрутили, он бросил жребий.

–Жаворонок – это к прибытку!– разгадала значение Джессика.

Ей завязали глаза платком, она сама раскружилась, Сильвер осторожно подвёл её к таблице. Она бросила зерно. Нетерпеливо стащила повязку с глаз. Все в немом изумлении уставились на цыгана. Жребий лежал на чёрной кошке.

Гадатель пояснил:

–Забыли свою английскую примету? Чёрная кошка в доме живёт – много возлюбленных женщину ждёт.

–Это на меня не похоже,– обиделась девушка.

–Звёздам виднее,– дразнил её Сильвер.

Опять он, как в детстве, смеётся над ней! Она запустила в

него редиской, что стащила с прилавка зазевавшейся тётки.

–Ты невыносим!– процедила девушка.

–Джесс, надеюсь, ты не отравишь меня, когда придёшь в нашу семью?– со смехом шутил молодой человек.

Она бросила в него целый пучок редиски под возмущённый визг тётки-торговки.

–Караул! Уже убивают!– кривлялся Сильвер, бросая торгашке монету за редис.

–Твоя очередь бросать жребий,– потребовала Джессика.

Строитель бросил зерно через плечо, с полным безразличием, собираясь уйти.

–Дворец,– проговорил его брат,– Тебе выпал дворец.

–Скорее всего, эти башни означают тюрьму,– пугала-зло-радствовала девушка.

–Да, может, кто свой замок надумает ремонтировать... Вот Сэлли и пригласят. Вот и будет жить во дворце. Для строителя – это норма, жить во дворце,– пожал плечами Ирвин.

–Вон молодёжь игру в охотников и зайцев затевают, пошлите играть,– потянул их Сильвер.

Пять «охотников» стояли напротив пяти «зайцев» и стреляли мячом. Промажнулся «охотник» – вышел из игры. Затем попали в «зайца» – «заяц» покинул поле.

Во втором сборе играли трое братьев Мэд, они стали в ряды «охотников» с двумя другими парнями. Джессика пошла с подругами в ряды «зайцев».

Ирвин вышел первым из игры.

К нему подошла мать невесты и шепнула:

–Ирвин, что бы ни случилось, только не убивай нашу Джесс. Одна ведь она у нас. Выгони, побей, только не убивай.

–Я не думаю, что ваша дочь вообще даст повод даже для битья,– не поворачивая головы отозвался жених.

–Жить, наверное, вам лучше в нашем доме. В вашем тесном домишке и так много ртов.

–На соляные шахты работать я не пойду, соль тяжёлая: рвёт спину, жилы и сердце,– предупредил Ирвин.

–Это тебе с моим мужем обсуждать надо. Я пряжу пряду да крашу. Зато есть и положительная сторона работы в соляных копиях: у шахтёров не бывает ни чумы, ни оспы, ни чахотки, они обладают отменным здоровьем.

Сильвер вышиб мячом всех девушек, передал мяч другому парню, тот промахнулся. Джесс бросила мяч в Сильвера, промахнулась. Пошла с поля. А старший брат жениха не больно, но ощутимо ударил её мячом вдогонку по заднице. Она рассмеялась и погрозила тому кулаком.

–Твой старший брат такой удалой,– говорила она Ирвину.

Жених звал её:

–Мама приглашает тебя, Джесс, на обед.

Мать девушки кивнула:

–Ступай.

Затем Онер отвела дочь в сторону, подозрительно узнавала:

–Тебе нравится Сильвер?

–Он такой балагур и задира...

–Но он тебе нравится,– почувствовала душой мать.

–Он такой прекрасный, что я не могу о нём даже мечтать... Это не серьёзно, мама, он же просто брат моего жениха!

Невдалеке загремела туча громом.

–Бегите скорее, успейте до дождя!– подгоняла дочь Онер.

Лучники собрались в поле за деревней Робертсбридж соревноваться в стрельбе. Но тут всех окатил ливень из тучи.

Баронет Рудольф Дэллингридж, которому недавно исполнилось 28 лет, с нарисованным фазаном на белой тунике поверх длинной рубахи, зло сплюнул и махнул рукой, приглашая вассалов и друзей в пивную. Дворяне пошли в ближайший трактир «Грэсс», за ними следовали лучники, пажи и слуги. Этот трактир славился большой лужей справа от входа. Там частенько вместе со свиньями валялись шахтёры после зарплаты.

Некрасивая женщина-трактирщица лет сорока Агнесса Грэсс (трава) заскакала вокруг богатых клиентов, подгоняя свою прислугу.

Двадцативосьмилетний кучерявый брюнет сэр Ричард Эверст поверх лёгких лат в тунике, с изображением фиолетового цветка ирис, сломал свою стрелу и запустил в стену. Стрела воткнулась в деревянный обшив стены.

—А это идея!— воскликнул его семнадцатилетний паж Трент Дартс,— Мишень прибьём к стене и будем метать короткие дротики!

Парень обломал свою стрелу и запустил рядом со стрелой господина.

Мужчины оживились, загалдели. Кто-то из слуг прибывал мишень. Стрелки стали метать укороченные стрелы, продолжив соревнование. Брали вверх знаменитые стрелки саоарчил.

Ричарду Эверсту не очень-то везло, он с досады накричал на трактирщицу:

—От Вашего эля только живот пучит! Настоящие мужики пьют виски!

—Ну, попробуйте, какой вкусный эль...— испуганно оправдывалась хозяйка заведения.

Тот тряханул своими кудрями и с насмешкой говорил:

—Ага, а потом, пока до дома доеду, все заборы помечу, как собака. Пейте сами это пойло.

—Как прикажите. Виски у меня тоже имеются,— кивнула Агнесса.

Через некоторое время, когда все рыцари и их свита вышли, баронет Рудольф Дэллингридж подошёл к его столу и сказал:

—Мы поехали в мой замок, а тебя где черти носят?

—Ты их тоже видишь? Я посижу ещё немного. Я приеду позже,— пьяно пробормотал Эверст.

Дэллингридж строго глянул на трактирщицу, которая присела рядом с Ричардом, и пригрозил:

—Что-нибудь плохое случится с моим вассалом, я тебе голову оторву.

Он вышел на улицу, подошёл к своему коню.

Мимо шла цыганка и крикнула ему:

—Утром ты встретишь девушку, она принесёт тебе счастье!

—Мне несут каждый день счастье разные девушки,— хохотнул баронет Дэллингридж.

Ливень не успел замочить Мэдов и Джессику. Они уселись за стол, где в изобилии красовалась первая зелень с огорода, жареная рыба. В водах Британии много рыбы: сельдь, килька, сардины, скумбрия, камбала, треска, пикша...

Мать семейства Дебора подмигнула Джесс и поставила на стол большой кувшин с медовухой, ёмкость украшали рыженькие цветочки.

Она говорила:

—Мужчины такие примитивные: без кружки спиртного не знают о чём разговаривать.

В руках миссис Мэд всё летало, её движения были стремительны. Пирог с рыбой она испекла за полчаса. С удивлением Джессика впервые видела, чтоб тесто замесили за несколько минут.

Джессике тоже плеснули медовухи в кружку.

Она пожелала жениху:

–Желаю, чтобы у тебя всегда было легко на сердце и тяжело в карманах!

Когда она пила брагу, прикрыв глаза, Сильвер незаметно дёрнул её за одну из кос. Она поперхнулась. Он заботливо с улыбкой постучал её по спине.

Спрашивал:

–Что для тебя значение слов: вера, надежда, любовь?

Девушка принялась рассуждать:

–Вера – это надежда на благосклонность Бога и судьбы. Это любовь к жизни и к людям. Надежда – это мольбы любви о счастье, это вера в себя. Любовь – это вера в близкого человека, в его надёжность, надежда на счастье с ним.

–Любовь – это вера в надёжность близкого человека?– переспросил с удивлением Сильвер.

Мико Мэд, стараясь скрыть улыбку, сменил тему разговора:

–Слышали: поговаривают, будто и дочь Айвенов кувыр-калась с баронетом Рудольфом в стогах?

Ирвин хмыкнул:

–Хорошо быть богатым – ткнул пальцем в любую, и та с радостью побежит за тобой.

Джессика и Сильвер с удивлением на него воззрились. Старший брат даже незаметно под столом пнул среднего ногой.

Отец семейства ворчал:

–Сексуально неразборчив наш будущий сеньор. Любит буквально всех. Как бы на мужиков и скотину не перекинулся...

Мужчина хохотнул.

Его жена жгуче негодовала:

–Рудольф одержим демоном прелюбодеяния! И ещё он – деспот! Этот изверг только в улыбке расплывается, когда видит страдания подданных!

Мико её поддержал:

–Хоть бы на войну с Францией опять уехал...А то ныне его любимое занятие – сведение счётов с соседями. И топит честное имя деда в крови.

Сильвер пожал плечами:

–Я никогда не понимал: почему человек по своей воле идёт на войну.

Дебора, всплеснув руками, говорила:

–Старший сын нашего барона Рудольф, я сама часто видела, когда стирала бельё, по утрам иногда прыгает с окна в ров. Рисковый парень.

Её муж подхватил:

–Да и папаша его Джон тот ещё пират-сорвиголова! Не даёт промаху пиратам-французам в проливе Ла-Манш! А в юности француженку Гюбетту у одного барона во Франции украл. Та, говорят, вообще замуж не хотела, к подстригу готовилась. А Джон любит, чтоб всё по его желанию было, вот и украл.

– За неё хоть приданое дали? – осведомился Ирвин.

– Да зачем ему приданое-то? И так богат, как король! Отец Джона – Эдвард Дэллингридж состоял в Вольном Отряде Роберта Ноллеса, они продавали свои военные услуги по всей Франции, кто больше заплатит, к тому ж грабили всех без разбору на больших дорогах. А затем Эдварду король Ричард Третий выделил деньги на строительство укреплённого замка – бенефицию, он и расширил замок Бодиам. Затем Эдвард был послом и инспектором во Франции, после его назначили хранителем лондонского Тауэра и губернатором Лондона.

– Эдвард родом из Дэллинг Гридж? – уточнила Джессика.

Мико продолжал просвещать молодёжь:

– Да. А замком Бодиам овладел, женившись на Элизабет Эу Бодихэм Вардье, наследнице рыцаря Юго Эу, друга Вильгельма Завоевателя. Сын того Юго взял фамилию Бодихэм в честь этих мест. Но замок был и до норманнского завоевания! Назывался Саксонский замок.

Глени старался не слушать взрослых, уплетал пирог.

Дебора спросила у Джесс:

– Твой отец всё ещё тянет со свадьбой?

Девушка грустно кивнула.

Мать поинтересовалась у старшего сына:

– Сэлли, а ты когда женишься?

– Житейская мудрость гласит, что ещё рано терять свободу. Каждая женщина по-своему неповторима. И моё сердце ещё не доросло до прочного союза.

—О, у нас есть свой Рудольф,— хихикнул Ирвин.

И получил от старшего брата лёгкий подзатыльник.

Дебора скороговоркой проговорила:

—В Эверст Грин будет очередная игра в теннис. Победителю дадут корову.

Её муж сбесился:

—Да не нужна мне корова! Мне нужно, чтоб жена из дома нос свой не высовывала!

—Мне домой пора,— засобиралась Джессика.

—Я провожу,— встал за ней Ирвин.

Девушка вышла в дверь.

Сильвер поймал его за руку и пожелал:

—Береги невесту, брат.

—Да куда она денется? Она на крючке: замуж, как все девки, хочет.

—А вдруг отобьют?

—Не смей меня. У такого красавца, как я?

Ирвин догнал Джессику у мостика.

Объяснял:

—Отец всегда устраивает истерики, когда матери надо уезжать на соревнования по теннису. Он её страшно ревнует.

На мостике он прижал невесту к груди. Потянулся губами к её устам.

Та вырвалась и сердито молвила:

—Давай договоримся: никаких поцелуев до свадьбы.

Ирвин, как побитая собака, поплёлся за жестокой неве-

стой.

Ричард Эверст застонал от головной боли. Приподнялся на постели. Рассвет едва проник в окна. Ага, проснулся в своём большом доме. Рядом похрапывала некрасивая женщина. Рыцарь накинул на своё голое тело кунтуш (верхняя одежда с длинными откидными рукавами, которые впереди разрезаны до локтя, а их концы почти достигают пола). Вышел в коридор. У дверей дежурил слуга Ларри, мужчина средних лет.

—Ларри, кто это со мной рядом на постели? Шлюха из трактира?

—Сэр, это хозяйка трактира Агнесса.

—Да ладно! Я уговорил хозяйку трактира поехать со мной? Во по пьяне что творю! Ничего не помню! Надо её отправить домой. К тому же она некрасива и старовата.

—Сэр, Вы обвенчались ночью с этой женщиной.

—Твою мать волшебницу! Почему ты это позволил?

—Вы грозились изрубить каждого, кто Вам помешает.

—Ты хоть понимаешь, что в Англии нет разводов?!!

—Но можно продать на рынке свою жену любому желающему...Закон это позволяет...

—Свинья! Кто купит это чучело?!!

Каспер говорит за ранним завтраком:

—У, Онер, твои олады нынче просто чудо какое-то.

–Правда?– радостно переспрашивает жена.

–Особенно мне понравилась жидкая начинка из теста. Не знаю: кто вперёд из нас умрёт – я от несварения желудка или ты от моей руки за такую стряпню.

Женщина боязливо сжалась за столом.

–Где наша дочь?– вопрошал муж.

–Не сидится нашей егозе на месте. Всё бы куда-то бежать. Ещё солнце только-только вставало, она на речку бельё побежала стирать.

–Одну отпускаешь?!!

От сильного удара Онер отлетела к стене.

Муж у дверей пугал:

–Что-нибудь с ней случится, тебе тоже не жить! Родила всего одного ребёнка и того не бережёшь!

Каспер ушёл на работу. Онер слышала, как во дворе заржал его конь.

Женщина плачет и молит Бога о благополучии:

–Ниспошли, Господи, моей дочери счастья.

Рудольф Дэллингридж открыл глаза. Рассветало. В дверь постучали. Он вскочил в голом виде и открыл дверь. Впустил служанку-молодушку.

–Что, твой муж ещё спит?– лениво узнавал баронет.

–Муж знает об измене, я сказала.

–Вот дура-то! Да в таких делах нельзя признаваться, даже, если тебя пытаются! Твоя честность абсурдна.

–Но он не отпустил бы меня к кому-то другому...

–Да ты мне не нужна! Убирайся к своему мужу!

–Я беременна. Возможно, это Ваш ребёнок...

Дворянин схватил служанку за горло, надавил, угрожающе орал:

–Запомни: никогда не говори мне, что это мой ребёнок! Иначе утоплю и тебя и приплод! И никому не говори! Мои-ми детьми будут только дети от законной жены! Сегодня же вместе с мужем съедете из замка в дальнюю деревню!

По утрам ещё холодно и Джессика в кожаном плаще цвета фуксии и в тёмно-розовой вязаной шапочке полощет бельё в реке Ротер недалеко от рва замка Бодиама. Чтобы не обветрить губы, смазала их специальной помадой из белой глины, растительного масла и выжимки ежевики на меду, которая дала яркий розовый цвет.

Мирно и мерно протекает река возле замка, затенённая ивами и вербой. Её воды также спокойно затекают в ров у замка. Вода её студёная не утоляет жажду, а усугубляет, так как невозможно напиться усладой прохлады и запахом трав, как не насытиться любовью, если видишься краткие минуты, как не придается жизнь, сколько не живи.

Замок выложен из серо-бежевого песчаника, имеет четырёхугольную форму с четырьмя круглыми башнями, четырьмя квадратными башнями, двумя дворцами и внутренним двориком.

Вдруг щит с гербом отодвинули от одного из окон. На подоконник встал мужчина голышом и сиганул вниз в воду.

Девушка, окружённая зарослями цветущей сирени, бубнит:

–Смелость, граничащая с безумием.

Пловец направился к ней! Она спешно собирает в корзину намыленное бельё, что разложено на траве. Но она не успевает сбежать! Тогда с миной безразличия Джесс выжимает льняную простынь.

Перед ней из воды встаёт сеньор. Из одежды на нём на шее лишь верёвочка с волчьим клыком – символом свободы и воли. На мускулистых руках вспухшие вены. Мокрые волосы молодой человек приглаживает наверх, тряся своими мужскими причиндалами чуть ли не у лица девицы.

Крестьянская девчонка ворчит:

–Всё прогрессивное человечество давно надевает штаны.

–Я, наверное, не в курсе.

–Нет денег, чтоб купить штаны?

Да как она смеет издеваться над господином! Она смотрит насмешливо исподлобья, глаз не видно из-за длинной чёлки и нависшего на глаза платка. А сеньор похож на Сильвера! Тот же нос, лоб, овал лица... Только брат жениха весел и более красив, а этот угрюм и какие-то отталкивающие черты лица. Девушка бросила отжатую простынь во вторую корзину.

–Кто позволил тебе вести себя подобным образом?– зло-

веще вопрошал Рудольф,— Без уважения к господину?

—Думаю, мой род такой же древний, но, увы, мои родовые бумаги и гербы утонули при Всемирном Потопе.

Умна и с юмором. И злой огонь его глаз почему-то не пугает её, а раздражает... Странная девица...

—Я рад, что у тебя есть чувство юмора. Без юмора жизнь раба совсем печальна...

Девушка откинула с глаз длинную чёлку, поправила вязаную шапочку наверх и её сеньора приковали жгуче голубые глаза. Этот необычно яркий цвет глаз гипнотизировал.

—Такие глаза не забудешь,— протянул он,— Какие колдовские глаза... Тебе их эльфы раскрасили, украв лунный свет и кусок лучистого неба?

—Для Вас у меня тоже есть определение: между храбростью и сумасшествием мало отличий. Сумасброд.

—Какое точное определение моему характеру! Сейчас я покажу: насколько я сумасшедший.

И он шагнул к ней.

—Вы собираетесь меня изнасиловать?— обмерла Джессика.

Она поднялась с места.

Рудольф с насмешкой говорил:

—Это удивляет тебя? Я же плыл сюда за этим. Выгнал надоевшую любовницу, увидел в окно тебя... Иди же, поцелуй меня, своего господина.

—Что-то не хочется,— отступила на шаг девушка.

—Бунт?!!

–Он самый.

Мужчина так резко нахмурился и прищурил глаза, что, казалось, появившиеся мимические морщины лопнут на его лице от напряжения.

А девка продолжала дерзить:

–Это верх бесчестия пользоваться нашим трудом, а после требовать ещё и наше тело!

Но эти слова лишь распалили баронета. Сияние её необычных глаз притягивало, и жажда обладания затмила его разум. Мужчина приближался, девушка отступала назад вдоль берега.

Джессика напоминала ему:

–У Вас, несомненно, есть и другие дела.

Рудольф улыбнулся и убеждал:

–Сейчас ты узнаешь, что моё великодушие не знает преград. Я уже осчастливил всех своих подданных женщин. Доберись и до тебя.

–В роли униженной я никогда не буду!

И девушка толкнула сеньора со всей силы в грудь. Тот упал в воду. Она убежала с двумя корзинами белья.

Он крикнул ей вслед:

–Попадёшься ты мне!

Крупные кудрявые спаниели норфлок и другие породы спаниелей сновали у ног Рудольфа, когда он вошёл в гостиную в сопровождении слуги и пажа. Гостиная в стиле рыцар-

ских завоеваний выполнена из красивой коричневой фактуры дуба. Все предметы интерьера массивны, громоздки. В орнаменте присутствуют львиные головы и гербовые символы рода Дэллингриджей – фазаны. Гобелены с изображением сцен из «Библии» и покорения англичан при Вильгельме Завоевателе.

На кожаном диване сидит толстый младший брат Вейланд, он только на год младше брата, но из-за полноты казалось, что это он старше. Его невзрачная жена двадцати четырёх лет от роду Дора сидит за столом вместе с бароном Джоном Дэллингридж, всё ещё красивым мужчиной. Его сыновья походили на него. Возле них сидели филд спаниель массивный белый с веснушками кламбер спаниель.

Рудольф заметил брату:

–Глянул я сегодня в окно твоей спальни, и заметил, как ты чуть не заплакал, когда увидел, что я в очередной раз вынырнул.

–Тебе показалось. Я зевал спросонья,– недовольно буркнул толстяк.

Отец попросил старшего сына:

–Руди, я хотел бы поговорить с тобой без прислуги.

Тот отвечал:

–Бог Один всегда ходил и появлялся где-нибудь в сопровождении двух ординарцев-волков.

–Давай без пафоса,– просил Джон Дэллингридж.

Рудольф молвил сопровождению:

—Друзья, ждите меня в моей комнате в моём здании замка.
Прислужники с поклоном удалились.

Родитель вопрошал у старшего сына:

—Сумерки твоей души когда-нибудь осветит благая любовь?

—Странное что-то со мной творится, отец. Всё время думаю о девчонке с реки... Она меня ударила и убежала...

—И ты её не убил?— удивился брат.

—Я в реку упал, и при мне не было оружия,— пояснил Рудольф.

—А, тогда понятно,— протянул толстяк.

Отец укорял первенца:

—Священник у алтаря все глаза проглядел, дожидаясь, когда ты надумаешь венчаться.

—Священник всегда ждёт у алтаря...Зачем спешить?— усмехнулся его старший сын.

Тогда старший из династии стал пугать:

—Вейланд любит природу и животных, днюет и ночует с пастухами возле овец, ему я оставлю земли и часть состояния, ты же получишь замок и другую часть денежного капитала.

—Во всех семьях наследство полностью получают старшие сыновья!— взревел Рудольф.

Джон Дэллингридж заерепенился:

—Деньги мои! Могу и церкви подарить!

—Вейли и сам похож на пастуха — толстый и тупой!

–Замолчи! Молодой, а неучтивый! А ещё занудный и жадный!– перебил его отец.

–Льгаму никто не отменил! Преимущественное право дало мне рождение на год раньше!– не унимался наследник.

Джон устало говорил:

–Я хочу подарить тебе кольцо с топазом. Этот самоцвет в игре света не уступает алмазу, он лечит не только яды, но и спасает от безумия.

–Что за намёки?!– обиделся Руди.

–Даже у нашего предыдущего короля Генриха Четвёртого погибли оба сына Джон и Хамфри. Ты же тоже не бережешь себя! Вечно влезаешь в какие-то распри...

–Пусть соседи знают, что я не слабак! Может, поэтому нынешний король Генрих Шестой Ланкастер всё ещё не спалил тебя, папа, как лолларда! Ещё дедуля Эдвард вместе с другими восьмерыми лордами писал письмо Папе Римскому, браня за чрезмерную любовь к роскоши церковников. Лоллардов сотнями сожгли на костре, а нас даже не тронули!

–Всё же пересмотри свой эгоцентризм, брат не виноват, что родился позже, он тоже Дэллингридж, хоть ты и зовёшь его Вейланд Бодихэм.

–Ты его любишь больше за то, что он – лафундист-земледелец? Но он даже не имеет детей! Отморозил, видать, член в поле, когда пас овец! Не догадался, дурачок, сунуть член в овцу погреть...

У жены младшего брата Доры округлились глаза.

Отец укорял первенца:

–Руди, избавь нас от солдафонского юмора.

Рудольф смирился:

–Делайте, папа, что хотите, это Ваше право и Ваши деньги. Можно в мою часть замка созвать друзей?

–Зови, – на радостях дал согласие родитель.

Старший отпрыск семьи ушёл, за ним вышел отец.

Вейланд бросился обнимать одного за другим и гладить пса. Животные радостно скулили, принимая ласку.

–Муж мой, собаки дороже Вам, чем родной брат, – задумчиво заключила Дора.

–Что тут удивительного? Псы не приносили мне столько страданий, как это всегда делал Рудольф.

Волоокая Гюбетта вошла в комнату мужа с вопросом:

–Как отнёсся Рудольф к новости о разделении капитала?

–Спокойно.

–Не верю.

–Покричал немного и успокоился. Я не звал тебя, Гюбетта. Зачем пришла?

–Извините, сэр Дэллингридж. Раньше мы ссорились – мирились в постели, сейчас одна злоба... без постели....

–Ты себя видела, старуха? Какая тебе ещё постель?

–Счастливы простые крестьянки... За неимением денег их мужья вынуждены делить постель только с ними.

–Не дави мне на совесть! Мне не нужны больше наслед-

ники! С этими-то едва нашёл компромисс.

Рудольф захмелевшим взглядом покосился на одного из друзей, узнавал:

–Я слышал, что Вы пишете слащавые романы о рыцарях?

–Если б я писал о мерзкой, паршивой действительности, что нас окружает, то по прочтении такой книги, люди бы вешались. Оставим же подлинную историю для хроникёров.

В трапезную вошёл Ричард Эверст.

Хозяин этой части замки приветствовал его возгласом:

–О, мы уже наслышаны о твоей женитьбе! Чем чёрт не шутит, когда Боженька пьяный спит...

Друг-романист подхватил:

–Просто у Агнессы был очень крепкий виски, и наш Ричи сразу счёл её ослепительно красивой, аж жениться решил.

Граф Арундел заметил:

–Ричард, если наблюдать за твоей женой на почтительном расстоянии, то она кажется не такой уж и страшной и даже немного помоложе смотрится...

Всё окружение захохотало.

Эверст кричал на Рудольфа:

–Почему ты не забрал меня из трактира! Почему не остановил моё пьянство?!

–Я не нянька тебе, – нахмурился баронет Дэллингридж.

–Более того, ты смеёшься над моим горем!!! – орал Ричард.

–Какое это горе – жениться?– усмехнулся хозяин этих мест.

–Будь ты проклят! Друг назывался!

–Эверст, ты же знаешь – мои враги долго не живут,– пытался осадить его Рудольф.

Но тот не унимался:

–Недаром у англичан есть поговорка: «Друзья – воры времени». Я больше с тобой не дружу. И постараюсь отомстить за свой позор.

–У тебя любовь к страшным старухам, а виноваты почему-то друзья,– рассмеялся баронет Дэллингридж.

Романист подколот:

–У Эверстов на гербе ирис, признак мудрости, веры и доблести. Доблесть – это да, но с мудростью что-то напутали, я не согласен.

Раскрасневшийся Ричард Эверст выбежал из трапезной.

Ранним утром конь Рудольфа бежал рысцей, сбивая росу с травы. Облитая росой трава, при зареве озолотилась. Приятная свежесть утра бодрила и вселяла уверенность в удачу жизни.

Пажи, егерь и слуги следовали за господином.

Меж деревьями показались крестьянские девки с ранцами грибников – коробами и корзинами в руках. Среди них баронет Дэллингридж разглядел и недавнюю обидчицу – прачку с реки. Он подскакал к ней и спешился.

Вменял:

–Вы вторглись в мои владения.

Другие девушки упали ниц. Эта нахалка стояла прямо и бровью не вела. Рудольф взял её за плечи.

–А сейчас Вы пытаетесь вторгнуться в мои владения,– нахмурилась Джессика,– Только я не аристократка, и запросто могу марать о тебя руки побоями.

Баронет хохотнул и заметил:

–Вежливый отказ...ничего не скажешь...Перед отрядом вооружённых воинов эта пигалица страшит их главаря расправой! Поделись своей добротой, девушка, и она к тебе вернётся стократно.

Натиск его поцелуев, что обрушился на её шею, был Джессике неприятен.

Она грубо возражала:

–А что нам быть добренькими, нам денег нахаляву, как вам, дворянам, никто не даёт.

–Да кто эта девчонка, чёрт подери?! Я не из тех людей, которые будут терпеть подобное поведение!

Он подбежал к одной из девушек, падших ниц, пнул её в бок.

Подруга выдала информацию:

–Это Джессика Вангурд, мой сеньор. Она единственная дочь мастера с соляной шахты. Мать её из коттариев, имеет лишь приусадебный участок земли.

Хозяин этих мест крикнул:

–Крестьянки, ступайте вон! Я с этой Джессикой пообщаюсь наедине.

Девушки вскочили и со всех ног бросились по направлению к деревне.

Баронет приближался к строптивнице и представлялся:

–Меня зовут, если ты не знаешь...

Та его перебила:

–Сэр Рудольф Дэллингридж.

Тот хохотнул и самодовольно узнавал:

–Чем я отличился перед народом, что меня все узнают?

–Ясно чем: распутством и жестокостью,– эхом отвечала подданная.

–Да что ты о себе возомнила?! Сейчас буду тебя насилловать, а ты стой смирно. Не советую тебе останавливать меня.

Прислуга одобрительно захихикала и загалдела:

–Вдуй ей, чтоб три дня раком ходила!

–Натри ей ляжки до мозолей!

–Не жалей эту задирающую нос молодку!

Рудольф вновь протянул руки к плечам девицы, но тут в горло ему упёрлось лезвие ножа.

Джесс ехидно вопрошала:

–Ты забыл, что за грибами ходят с ножом? Вели своим пажам убираться подальше.

Дворянин опасно еле выговорил:

–Езжайте домой.

Придворные в ужасе не повиновались.

–С глаз моих вон!!– заорал Дэллингридж.

Кровь выступила на его коже, но девушка нож не убирала.

Прислуга потихоньку поехала по направлению к замку.

Свободной рукой Джесс сбросила с его пояса меч, сняла лук с плеча, перевесив на своё плечо.

Аристократ требовал:

–Я устал так стоять, отпусти меня уже.

–Если Вы находитесь в лесу, Вам скучно и Вы очень устали: найдите медведя, бросьте в него камень – и Вашу усталость, как рукой снимет.

Рудольф засмеялся. Девушка убрала нож и сиганула в заросли молодых лип, бежала так быстро, что, истерично хохочущий мужчина, не сразу сообразил, где её искать. Он вскопчил на коня, бросился за ней, но конь отказывался пробираться сквозь кусты шиповника, что встали на его пути.

У дома Джессику поджидали жених и Сильвер. Они бросились к ней.

Остановились подле и допытывались, заикаясь:

–Баронет тебе навредил? Ты...ты цела?

–Да я его едва не зарезала! На шее долго ещё след будет,– хвастала девушка.

Ирвин недоверчиво переспросил:

–Отказала самому сеньору?

–Не веришь?! Да я его бы побила, положи он руку туда, куда не следует!– возмущённо доказывала правоту Джесс.

Сильвер указал рукой на окровавленный нож в руке невесты брата:

–Ирвин, таких грибов не бывает с соком из крови.

А тот бубнил:

–Говорят: Рудольф Дэллингридж красив...

–Он непривлекателен во всех отношениях!– перебила его подруга, – Отойдите с дороги, мне грибы ещё перебрать надо!

Она пошла, и братья увидели у неё за спиной болтающийся дорогой лук. Переглянулись. Сильвер присвистнул.

Работа в поле – повседневная необходимость для крестьян. Джессика с матерью косили траву для коз. Мать уже стаскала вилами большой стог, ушла на другой конец поля. Девушка косила вблизи леса. От жары сморилась, решила прилечь у края стога. Закрыла глаза. Тонкая сорочка прилипла от пота к телу, обрисовывая небольшие, но аппетитные девичьи груди.

Вдруг кто-то соломинкой дотронулся до её шеи. Она открыла глаза и обомлела. Над ней стоял Рудольф Дэллингридж!

Предлагал:

–Хочешь быть моей служанкой?

Джессика резко села, говорила скороговоркой:

–Я не ищу покровительства сильнейших мира сего.

Сеньор крутил в руках соломинку, разглядывал взмокшую от работы девицу, убеждал:

–Работа в поле очень изнурительна. Почему ты не хочешь поблажек?

–Привыкла к однообразной работе. Мне нравятся движения, они несут бодрость и силу.

–Так я так загружу тебя работой по замку, весь день будешь полы натирать и бельё стирать.

–Ваш вид вызывает у меня неприязнь, я не смогу работать рядом с Вами.

Его глаза недовольно сверкнули, но он не верил, что настолько не нравится девушке.

–Вот как...Итак, ты не хочешь пойти со мной...

–Не хочу.

–О, я понимаю: работать в поле так увлекательно!

Он со злостью выбросил соломинку.

Джесс с достоинством заявляла:

–Да вот. Не каждый сможет косой махать. Жена Вашего брата и пару раз косой не взмахнёт – упадёт от бессилия.

–Вот и я говорю: работа творческая, для избранных. Ну ладно, хватит иронии. Не хочешь никуда идти, тогда я здесь с тобой позабавлюсь.

–Вы должны быть милосердны к подданным.

–Ты идеализируешь у трона стоящих, бедная девочка.

Он считал себя хозяином положения. И удивился: от чего у Джессики кривая улыбка на губах. Она катнулась в бок, схватила вилы. Вскочила на ноги.

Пугала сеньора:

– Это наш сельский этикет – вилы в левой руке, а коса в правой.

Рудольф с улыбкой пятился к лесу, где его ждал конь.

Говорил строптивнице:

– Почему-то я уже не удивляюсь, что ты меня встречаешь не цветами и хлебом, а вилами и ножами.

Вечером в трапезной Вейланд заметил брату:

– Ты какой-то задумчивый...

– Знаешь, когда рядом одна девушка, мне так трудно дышать... Думаешь, это любовь?

Родители напряглись. Дора удивлённо замерла с ложкой у рта.

Младший отпрыск клана с ухмылкой отвечал:

– Трудно дышать? Это насморк. Аллергический насморк, я думаю.

– Какой ты заскорузлый, брат.

Отец поинтересовался:

– А девушка из какой семьи?

Рудольф охотно отвечал:

– Из крестьянской. Но она такая необыкновенная... загадочная...

Вейланд процитировал поговорку:

– Всякий считает своих гусей лебедями.

– Вейли, ты – придурковатый, толстый склочник, – ругнулся старший брат.

Мать испуганно выдала народную мудрость:

–Любовь очень избирательна. Её нельзя уговорить полюбить другого избранника.

Младший брат влюблённого изгалялся:

–Любовь – проходящее чувство. Боль от её потери ест душу, но быстро улетучивается. К чему тебе, Руди, отважному рыцарю, волнения и беды, приносимые женщиной?

Рудольф бросил в брата яблоко прошлого урожая с призывом:

–Заткнись.

Он ушёл из-за стола, оставив ужин нетронутым.

Гюбетта нашла взглядом глаза мужа, убеждала не то себя, не то его:

–Это его временное, очередное увлечение... Он так часто меняет женщин...

–Но раньше крестьянки были для него всего лишь низшим сословием... – взволнованно отвечал Джон.

–За тёмную тучу солнце село – будет дождь, – взволнованно говорила Онер дочери, – Может, не пойдёшь на рыбалку с отцом и Ирвином?

–Шалаш из веток сделаю, возьму вот старую шкуру, накрою, чтоб внутри укрытия не сыро было.

–Сама течёшь, а куда-то собралась... Сухого мха возьми с собой для прокладок или опилок в ткань напихай...

–Месячные уже заканчиваются, не пропаду.

—Если упадёшь, то кровотечение может быть! Сидела бы дома!

—Ой, мама, после папу не дозовёшься, он вечно на работе!

Ирвин и Каспер Вангурд уплыли на лодке проверять сети, Джессика сидела на берегу и смотрела на красоту природы. Рядом бегал её пёс Друг. Шалаш расположили недалеко от берега. У ног девушки тлел костерок.

Подул ветер. Загадочные тени поползли от деревьев, рисуя миражи преисподней. Листья ив и верб быстро, торопливо и испуганно зашептала, затряслись от ветра, будто заковенели. Верхушки высоких дубов и сикоморов закачались грозно и монотонно, мягко шебурша.

Будоражило, не давало покоя жуткое предчувствие. Джессика поёжилась.

Луна вглядывалась в реку и видела себя в водах роскошной белолицой красавицей с короной из жемчуга-пузырьков и платьем, устланным кувшинками.

Кто-то запутался в силках поодаль. Сначала девушке показалось, что это волк, но нет, это была крупная собака. Её пёс Друг лаял на незнакомую псину. Тот скулил и бился, запутавшись. Джессика стала распутывать лапы животного, нагнувшись над ним.

Из зарослей выехал отряд охотников с ягдташами на сёдлах, видать далеко собирались, раз все провизию захватили.

К девушке подъехал баронет Рудольф Дэллингридж с во-

просом:

– Это твои силки?

– Да.

– Куда не поеду – всюду ты. Как-то странно.

Пёс девушки на него лаял. Люди баронета стояли в отдалении у зарослей.

Мужчина иронизировал:

– Зачем тебе собака? Уверен: ты можешь кусаться не хуже.

Джессика освободила пса из силков, тот побежал к зарослям, к хозяину. Девушка выпрямила спину, вся напряглась. Рудольфа почему-то злила её отстранённость.

– Мне надоел твой пёс. Пристрелить из лука его что ли?

– Тогда я Вас тоже покалечу.

Он рассмеялся:

– Как тебя увижу, всё время веселюсь, ты меня смешишь.

Ты, словно взяла займы злость и отвагу у волка.

Начался тихий дождь. Поочерёдно вздрагивали листочки шиповника, что рос неподалёку, словно кто-то невидимый заиграл на них хитрую мелодию баллады.

Рыцарь вынул меч. Пёс оскалил пасть. Девушка невозмутимо взирала на воина. Но Рудольф размахнулся и срубил несколько веток шиповника, он подхватил их в охапку и бросил в Джессику. Та вскрикнула, шипы оцарапали ей руки, порвали обшлага кофты.

Руди говорил:

– Если цветы шиповника означают стрелы бога любви

Амура, то пусть тебя пронзит хоть одна из этих стрел!

Всадник развернулся и догнал свой отряд, уводя людей другой дорогой.

Каспер Вангурд и Ирвин гребли к берегу со всех сил. Выскочили на берег. Отец заключил плачущую дочь в объятия.

–Ничего же не случилось, чего ты ревьешь? Испугалась?– не понимал Каспер Вангурд.

–Да, пёс отогнал охотника,– говорила дочь.

–Почему охотники не убили пса?– вдруг спросил жених.

–Эти трусы боялись, что девушка пришла с большой толпой народа, и в любой момент люди могут вернуться и наказать обидчиков,– выдал правдоподобную версию Каспер.

Рудольф Дэллингридж ехал со свитой по деревне Робертсбридж. Люди кланялись и сторонились. На улице он заметил идущую с коромыслом и двумя вёдрами от реки Джессика Вангурд. Проехал мимо неё.

Тихо выругался:

–Гадина! Даже ни разу голову в мою сторону не повернула!

Он развернул коня и специально проскакал по луже, обрызгав гордячку Джесс. Её сиреневое платье стало всё в грязи. Соседки смеялись над ней. Дворянин оглянулся и зло-радно захохотал.

–Какая неприятность,– сочувственно протянул баронет.

Джессика демонстрировала своё безразличие.

–Водички дашь напиться?– окликнул он её.

В ответ молчание и холодная отстранённость. От возмущения аристократ сам онемел. Не отвечать своему сеньору! С осознанием своего превосходства дворянин спрыгнул с коня и подскочил к девушке. Свита подъехала к ним и глазела на происходящее.

Рудольф в запале грозил:

–Моё терпение кончилось! Сейчас точно разрублю тебя пополам своим мечом!

Джесс хмыкнула:

–Сразу видно жестокого, бездушного человека, а ещё хочет, чтобы его девушки любили!

–Да меня многие любят!!!

–За деньги?– ехидненько переспросила она.

–Как замечательно, что ты это заметила! И тебе могу дать денег. Сколько тебе надо?

–А от Вас мне ничего не надо!

–Неумолимая злыдня.

Кто-то из оруженосцев раздосадовано заметил:

–Ваша Милость, почему Вы спасовали перед юной девчонкой-замарашкой?

Послышался совет другого оруженосца:

–Треснул бы ей промеж глаз да и тащил в кусты.

Рыцарь отвечал:

–Кто бьёт женщин – трус, который не может драться с мужчинами, потому вымещает злобу на слабых существах.

Один из пажей подзадоривал девицу:

–Эй, красотка! У нашего господина большие ресурсы в плане любовных утех!

Рудольф радостно говорил строптивнице:

–Послушай, что паж обо мне говорит.

Девушка отвечала:

–А я вижу: вся твоя спесь, жестокость и коварство застыли у тебя на лице надменной гримасой! Ты уродлив в моих глазах!

–Позорить меня при друзьях! Ах, ты – дрянь! Утоплю! И всех непокорных отныне будет ждать тот же удел!

Он сбросил с неё коромысло. Вёдра с водой обрызгали им ноги. Рыцарь подтащил её к коню, забросил на седло, сел сам и поскакал к реке.

Поучал:

–Отныне знай: противостоять внешнему миру не так-то просто, если ты в самом низу иерархии!

Онер Вангурд увидела, как кого-то везут к реке в платье, как у Джесс.

Подслеповатая старушка-соседка говорила ей:

–Ишь, что делается: с утра пораньше уже топят кого-то...

Женщина бросилась к реке.

Рудольф затащил Джессику в воду. Та брыкалась, но он всё равно обмакнул её в воды Ротера. Затем дал ей вынырнуть, та задыхалась и отплёвывала воду.

Онер бросилась в воды реки с криком:

–Меня! Меня убейте! Пощадите мою дочь!

Рыцарь замер.

Говорил:

–Святая материнская любовь...Эта любовь никогда не кончается.

Он выпустил провинившуюся. Мать схватила её, помогла залезть на берег.

Онер спрашивала у дочери:

–За что тебя хотели казнить?

–За неповиновение и дерзость! Я не хочу задрать юбку для баронета Рудольфа Дэллингриджа!

–Да пойдя ты навстречу господину! Не упрямясь.

–Ни за что,– упорствовала девушка.

Мать заголосила:

–Да вразуми ты, Господи, эту девку! Как бы беды не было от твоего упрямства...

Рудольф, вылезший на берег, заметил:

–Она даже мать слушать не хочет!

Его злость улеглась, он вскочил на коня и поехал со свитой в свой замок.

Онер говорила Джесс:

–А, может, твоё участие смогло бы растопить лёд жестокого сердца сеньора?

–Пусть хоть совсем замёрзнет без нежности и ласки!

–Ласку-то ему дарят. Любовь он не видит. И хочет эту любовь от тебя.

–Мама, я не хочу слышать о баронете.

–Рудольф Дэллингридж не признаёт своих бастардов... Может, тебе повезёт, и он признает твоего ребёнка.

–Я не пойду в его постель!

Во двореике замка Рудольф увидел ту цыганку, которая предрекала ему любовь. Она гадала жене Вейланда.

Баронет спешился и схватил гадалку за плечи, стал трясти, приговаривая:

–Зачем ты мне накаркала влюбиться?! Кого тебя просил?!

–Каждая любящая женщина должна приносить счастье, просто не может не приносить... – забормотала цыганка.

–Но та женщина совсем не любит меня!!!

–Может, она ещё не осознала, что любит Вас, светлейший лорд?

Дворянин отпустил прорицательницу, всё же выгнав со двора:

–Ступай прочь с моих земель!

Та, поджав юбки, бросилась к воротам.

Руди глянул на жену брата, спросил:

–Тебе-то что предрекли?

–Спокойную тихую старость... – задумчиво поделилась Дора.

Онер пригласила на обед Дебору Мэд. Каспер дома отсут-

ствовал, был на работе.

Гостья говорила Джессике:

— Не советую тебе долго противостоять баронету Рудольфу. Он этого не любит. Ему ещё никто не отказывал. Сегодня тебя едва не утопили, а завтра могут и зарезать!

У Онер затряслась кружка молока.

Девушка жёстко заметила:

— У меня создалось впечатление, что Вы побывали в постели нашего барона Джона Дэллингриджа. Сильвер страшно похож на Рудольфа.

Её мать округлила глаза.

Дебора с насмешкой отвечала:

— А кто спонсирует мои поездки в другие города на соревнования по теннису? Да, я встречалась с Джоном Дэллингриджем. Только давайте не будем рассказывать об этом моему мужу. Он и так ревнив, голову мне открутит...

Дома Дебора Мэд спросила у Ирвина тихонько:

— Ты затаскивал Джессику Вангурд в кусты?

— Мама! Что ты! Джесс очень порядочная девушка. И мы друзья. Как я могу её так унижить?

— А после свадьбы как же вы общаться собираетесь?

— Это совсем другое дело! Из подруги она превратится в жену.

— Ты в курсе, что наш баронет Рудольф желает потешиться с Джесс?

–Этот ловелас ни одной юбки не пропустит... Я слышал о попытке нападения в лесу. И кто-то бросил в Джессику куст шиповника у реки, она сильно оцарапала руки.

–Надо быстрее вас поженить. Как бы баронет совсем не прибил твою невесту. Уплывёт тогда от тебя её двухэтажный дом.

–Да... Из села Джессика на данный момент – самая выгодная партия.

Онер заикнулась мужу об ускорении сроков свадьбы дочери.

Каспер ел кашу, недовольно изрёк:

–Куда спешить-то?

–Сын барона Джона Дэллингридж нашей Джессике проходу не даёт.

–А она?

–Она его посылает ко всем чертям.

–Джесс?

–Да, папа?– отозвалась из другой комнаты дочь.

Зашла в кухню.

Отец осведомился:

–У реки к тебе Рудольф Дэллингридж приставал?

–Да, папа.

Онер доложила, заплакав:

–И сегодня баронет Рудольф её чуть в реке не утопил.

Каспер ободрял дочь:

– Не сдавайся, Джесс. Этим богатым вырожденкам надо давать отпор. Хорошо, я работаю не на баронов Дэллингридж, а на сэра Ричарда Эверста. Свадьба будет к осени, как мы и намечали. Не посмеет баронет открыто днём при людях изнасиловать ту, которая сопротивляется. Так до бунта не далеко. Онер, Джессику никуда одну не отпускай.

Рудольф в своей спальне разделся, лёг. Мысли ушли в сторону. Он только закрыл глаза – возник образ Джессики.

– Уходи прочь. Я не хочу видеть тебя, – взмолился мужчина, затем закричал, – Убирайся! Ненавижу!

Она не уходила, пытая своим присутствием.

– Не могу без тебя. Люблю тебя, – сдался он, признаваясь скорее себе, чем ей, – Не уходи.

Она издевательски глуха – она исчезает.

Утром проснувшись, Руди позвал слугу, давал распоряжение:

– За эти дни я накопил любовный потенциал, хочу его реализовать. Новая повариха вроде не против шашней. Спроси у ней об услуге... Цену ты знаешь...

Через полчаса полная повариха радостно раздевалась в спальне баронета Рудольфа.

Баронет искоса поглядывал на неё, предпочитая разглядывать статуэтки-вазоны в виде нимф. Нимфы в лазурных хламидах, а вместо волос у них зелёные стебли и цветы. И эти мифические персонажи танцевали свою колдовскую

пляску на нежно- синем шёлке стен. А шёлк ныне ценился на вес золота.

Мужчина жаловался любовнице:

–Кругом враги и завистники. Родной брат и тот желает мне зла...

–Почему Вас удивляет, что мир враждебен? И как Вам не завидовать? Вы красивы, обеспечены, здоровы... У многих нет всего этого... – говорила повариха, подходя вплотную к кровати господина.

Ночью Рудольф открыл глаза, возле его лица сопела толстая повариха.

Он скинул её с кровати со словами:

–Ты не Джессика. Убирайся в свою комнату.

15 июля Джесс Вангурд с родителями и братьями Мэд приехала в город Богнор на праздник людей-птиц.

Днём участники шоу разбегались по платформе над морем и прыгали вниз с известковых скал. Задача человека – пролететь как можно дальше, используя самодельные крылья.

Ирвин с большими крыльями из перьев, скрепленных воском, полетел вниз с обрыва, смешно кувыркаясь.

Сильвер на праздник полёта соорудил крылья из досок, плюхнулся в воду под смех толпы, всё-таки пролетев пару метров.

Приз – лошадь выиграл мужчина, смастеривший аппарат

из палок и тряпок.

Вечером народ танцевал, играл в игры, торговцы бродили с лотками, предлагая пряники, печенье, копчёную рыбу, вяленое мясо, медовые конфеты.

Джессика танцевала то с Ирвином, то с Сильвером. Смеялась. Её родители ушли спать в трактир, а молодёжь запозднилась и всё ещё веселилась.

Братья Мэд ушли играть в «Ударь по горшку». В глиняный горшок или кувшин клали приз. Играющему завязывали глаза, давали в руку палку, раскручивали и отправляли искать кувшин криками: «Холодно, горячо, совсем жарко». Могли дурачить. Джесс сидела за большим столом с кружкой эля и смеялась, наблюдая за друзьями.

Рядом с ней кто-то присел. Она покосилась и обомлела: Рудольф Дэллингридж! По бокам и сзади расположились его приближенные лица.

Баронет приветливо узнавал:

–Купить тебе что-нибудь?

–Не надо.

–Ничего не хочешь купить? Да как ты живёшь?

–После того, как Вы меня едва не утопили, мне даже разговаривать с Вами противно.

–Прости. Погорячился. Был не прав,– то ли в шутку, то ли всерьёз говорил дворянин.

–Как у Вас всё просто,– недовольно ворчала Джессика.

Она совсем не смотрела в сторону Рудольфа, это его, ко-

нечно, злило. Девушка вытянула локон из причёски и нервно подёргивала его. Ей было некомфортно с этим богатым деспотом. А баронет расценил этот жест, как заигрывание. Он вынул из кошелька у ремня несколько драгоценных камней.

Говорил:

—Это агат, помогает крестьянам с урожаем. Отводит от дома разрушения от стихий воды, ветра и огня.

Рудольф умолчал о магических свойствах камня делать привлекательным для женщины мужчину, раньше который ей не нравился.

Он закончил изрекать о полезных свойствах этих минералов предположением:

—Думаю, эти камушки улучшат атмосферу общения.

Строптивница пространственно вещала:

—Я не ценю драгоценности, мне дороже наши родные валуны у пруда и эти известковые скалы Бичи-Хеда.

—Хочешь один из булыжников себе на шею? И стать неотъемленной частью пролива Ла-Манш?

Отстранённость этой девушки его бесила.

Глядя в свою кружку, она уверенно заявила:

—Думаю: меня защитят братья Мэд. Один из них – мой жених.

Баронет не мог подавить раздражение:

—У тебя есть жених? Почему-то я про это никогда не думал... Хотя на реке с тобой был не только отец...

Джессика, наконец, глянула на Рудольфа, но с надменным

злорадством.

А тот, встретив её синючие глаза, вдруг признался искренним тоном:

–Бог любви Амур пробил моё сердце не стрелой, а копьём навывлет. И сердце заполнено лишь твоим образом.

Она жестоко парировала:

–Никто так не глух, как те, кто не желает услышать.

–Это слишком!– вскричал несчастный влюблённый.

Джесс кивнула и говорила:

–Действительно: слишком. Ваше общество мне наскучило. Пойду играть с друзьями, я – свободная в своём выборе девушка.

–А сейчас мы свяжем тебя, и посмотрим: какая ты свободная.

Рудольф схватил её за предплечье.

–Руку убрал от Джесс Вангурд,– вдруг услышал баронет.

Сильвер! Он пришёл её защищать! А Ирвин всё ещё бежит с завязанными глазами и ищет горшок с подарком. Глени тоже не видит происходящего с Джесс, он стоит спиной и подсказывает брату.

Рыцарь воззрился на справного парня, спрашивал:

–Ты хорошо подумал? Быть героем нелегко.

Сэлли стали окружать люди Дэллингриджа. Тот приготовился драться, поднял руки с кулаками на уровень груди.

Руди пугал смельчака:

–Уходи, пока жив.

Тот отвечал:

–Гордый не способен подчиняться приказам.

–Ты откуда такой непуганый? Что это за деревня у меня под носом таких твёрдолобых строптивцев? Совсем я вас распустил! Обложу оброком, чтоб о праздниках надолго забыли.

–А я – строитель, мне Ваши оброки до одного места.

–Дерзкий,– хохотнул баронет,– А сейчас пройдуь по твоему животу пару раз и посмотрю, что от этой дерзости останется.

Дворянин встал из-за стола, отпустив руку Джесс.

Она взмолилась:

–Надеюсь всем сердцем, что Вы не сможете этого сделать с моим другом... ради моей благосклонности.

Сильвер закричал:

–Нет, Джесс! Не думай обо мне! Беги!

Кто-то из крепких оруженосцев ударил Сэлли в лицо, тот упал. Вскочил и бросился на обидчика.

Джессика перескочила через стол и загородила собой Сильвера.

Рудольф подошёл к ним, сузив глаза, узнавал:

–Это что ли твой жених?

–Это брат жениха,– быстро отвечала девушка.

–Ладно, уходите,– неожиданно смилостивился баронет.

К ним пробирались Ирвин и Глени.

Средний брат узнавал:

–Что случилось?

–Этот молокосос твой жених?– догадался Дэллингридж.

–Да,– кивнула Джесс, и с опаской посмотрела на баронета, боясь за жизнь жениха.

Сильвер взял её за плечо и утянул к братьям, сообразив, что надо быстрее уходить.

Крепкий оруженосец непонимающе спрашивал у господина:

–А почему мы их не побили?

–Я не хочу принуждать эту девчонку. Я хочу, чтобы эта дрянь сама кинулась в мои объятия. Но не знаю, что для этого надо сделать.

–Пока Вы медлите, она выйдет замуж за того чернявого,– пожал плечами один из пажей.

За что и получил подзатыльник от сюзерена.

Ирвин предупреждал старшего брата:

–Задира старший сынок барона любит челядь хлыстом огреть. Вот не стерпит кто-нибудь да даст сдачи, вот удивится-то злыдень! Тебе сильно досталось от его людей?

–Терпимо,– буркнул тот в ответ.

К удивлению Сильвера Джессика жалеючи погладила его по спине. Он глянул на неё. Девушка переключила внимание на жениха, заговорив с ним.

Родители братьев Дэллингридж и Дора слегли с простудной лихорадкой, Вейланд и Рудольф ужинали без них. Уже

было темно за окнами, в трапезной горели свечи и факелы. Дворовое приближение сидело в отдалении.

Герольд замка Бодиам торжественно объявил:

–Жареные фазаны.

Один из оруженосцев протрубил в рог.

Слуги внесли большие блюда с дичью.

Младший брат проворчал:

–Как-то неприлично, наверно, вкушать символ нашего герба.

–Согласен: тебе, жирному, как масло, надо больше травы вкушать, как твоим баранам.

–А твоим глазам очень идёт отблеск факела – истинный кровавый взгляд душегуба.

–Я, пока ехал в Богнор и обратно, осмотрел поля. Пшеница, овёс и ячмень неплохие. На хмель какая-то мошка напала. Репу пока не понять – даст или нет урожай...

–Земли-то мне отец завещал...– напомнил Вейланд.

–Всю землю не отдам. На выпас овец только. Иначе: ты меня знаешь – войной пойду. И собакам своим команды посылать будешь не ртом, а задом, там у тебя свисток поселится.

–Время рассудит,– грустно вздохнув, уводил разговор в сторону толстяк,– Я вот думаю: зря ввели налог для пастухов с длины собачьих хвостов. Пастухи стали рубить псам хвосты.

–Придумаем новый налог,– пожал плечами брат.

–Твоя заноза в сердце всё ещё торчит?

–По-моему, она вошла ещё глубже...Её уже не достать...

–Несчастья, которые мы сами себе причиняем – тяжелее всех.

–Разве ты, толстяк, любил по-настоящему?

–Было дело. Но я вовремя понял: в лес ведёт не одна тропинка, полно других женщин.

–А, так ты тоже ходок.

–Не без этого. Я, хоть толстый, но мужик.

–А я не хочу никого другого. В постель могу привести, но впустить в сердце – нет. И, по-моему, я хочу видеть эту Джессику возле себя всегда. Незаметно и неожиданно вкралась она в сердце, и любовь к ней, будто проросла во мне могучими корнями. Тягостные страдания изъели душу, а от бессилья что-либо изменить к лучшему, я готов грызть стены замка. Я, то, словно в трансе, молчалив и тосклив, то ярость затмевает рассудок.

–Знаешь, что я думаю о счастливом браке? Только то, что это театр двух актёров, которые каждый день играют друг перед другом.

–А я считал твой брак с Дорой удачным...

–Без детей?!

–Ну да вообще-то...

–Не замечать недостатков друг друга невозможно. В счастливом браке супруги лишь делают вид, что всё прекрасно.

–Ты считаешь, чтоб сохранить любовь, жить нужно розно и по необходимости лишь изредка встречаться?

–Безусловно.

–Но мне даже пару часов тяжело провести вдали от предмета любви.

–Если попробуешь жить с ней вместе – всё очарование быстро развеется.

–Как душу берedit её улыбка...– задумчиво вспоминал образ возлюбленной Рудольф.

–Да когда ты видел её улыбающуюся? Я слышал: вы всё время конфликтуете.

–На празднике в Богноре видел. Она танцевала и счастливо смеялась. Своим улыбается.

–Точно говорят: от любви нет спасенья – она помрачает рассудок и не слышит уговоров.

Скоро злость и одиночество наскучили Рудольфу. Воздух затворничества сдавил грудь. Он решил принести претензии на приграничные земли одному из соседей.

Надел доспехи, созвал окружение и отправился через лес с «визитом».

Ранним августовским утром роса блестела, словно рассыпанные бусы из ожерелья богини утренней зари.

Отряд баронета Рудольфа Дэллингриджа выехал на поляну...а там Джессика Вангурд стоит с луком в одной руке и убитым кроликом со стрелой в другой. А убийство кролика

в лесу английского дворянина карается высылкой из страны. В Шотландию или на любом торговом корабле. Руди узнал свой лук в руках девушки. Она сникла: оплошала, так оплошала... Баронет вызывающе глядел на провинившуюся.

Она обречённо проговорила:

– У Вас, Ваша Милость, полная гегемония в этом районе. Можете отправлять меня в другую страну.

Рудольф дал вердикт:

– Но ты же назвала меня Милостивым... Волеизъявление моё такое: Джессика Вангурд может беспрепятственно охотиться на кроликов в моём лесу.

– Вы даже свой лук не заберёте? – пролепетала девушка.

– Оставь себе. У меня их полно.

Он спрыгнул с коня и подошёл к Джесс. Дал знак своим людям отъехать подальше. Девушка потупилась, когда напротив неё встал рыцарь.

Руди зывал к её сердцу:

– Я попал в западню, словно загнанный в кувшин мотылёк. Я прошу у тебя любви, как нищий подаяния. Унижение и то, брезгливо морщась, бежало от меня. Стыд разбил пределы допустимого и скрылся в неведомом направлении.

– Здесь неподалеку жених Ирвин Мэд собирает орехи... Как бы он Вас не убил от ревности...

Баронет рассмеялся, со слезами смеха проговорил:

– Этот юнец Ирвин способен голыми руками победить всё моё войско?

Джессика отвернулась.

Рудольф сузил глаза и сально узнавал:

—А что это вы вдвоём за орехами пошли? В кустах кувыркались?

—Я знаю, что у орехов эротическая подоплёка, связанная с названием мужских органов, но я до свадьбы никому не позволю распускать руки, а особенно... другие части тела.

Он привлёк её в объятия с ласковыми словами:

—Даже мне не позволишь?

—Особенно Вам!

И девушка стала лупить господина луком и зайцем. Её сопротивление вызвало в нём гнев: она не любит его!

Баронет отступил, укоряя:

—Ты более жестока, чем все мои враги! Враги не трогали моё сердце. Джессика, там у реки, ты украла моё сердце. Я люблю тебя.

—Но мне не нужно Ваше сердце!

Рыцарь повторил:

—Я тебя люблю.

—И скольким девушкам Вы это уже сказали?

—Всем.

—Всем?!

—Да, я всем говорю, что тебя люблю.

—Завтра же выйду замуж.

—И завтра же станешь вдовой.

—Мстительный, жестокий, твердолобый деспот.

–Ты будешь моей.

–Никогда!

–Когда ты говоришь: «Никогда», то становишься потрясающе красивой и притягательной.

–Меня Вы не получите. Я буду всем показывать пример неприступности.

–Долго я, наверное, не смогу ждать... Вот вернусь из похода... и займусь тобой.

Рудольф вскочил на коня и умчался.

Из зарослей вышел Ирвин. Подошёл к Джессике.

Узнавал:

–Зачем тебе баронет?

Та изумлённо утверждала:

–Он мне не нужен.

–Отказывая ему в любви, ты лишь разжигаешь его страсть. Уступи ему.

–И это мне говорит жених?!!

Она обиделась и зашагала к дому.

Один из оруженосцев отчитывал Рудольфа Дэллингриджа в палатке:

–Вы впали в ступор во время боя! Как юнец! Где это видно? Мечтаете о той простолоудинке?

У баронета было хорошее настроение, он, ухмыляясь, отвечал другу:

–У рыцаря должна быть дама сердца.

–Дама, а не девка из народа.

–Ещё слово против и ты ляжешь рядом с убитыми. Не до-
рос до меня, чтоб судить!

–Простите сеньор...

Руди вышел из палатки. Его люди у костров ужинали, кто-то из трубадуров пел балладу. Песня трубадура бередила душу, будило то чувство, которое он старался забыть. Но любовь снова и снова звала его броситься искать ту, которая терзала сердце.

Ирвин Мэд стоял в комнате замка Бодиам перед баронетом Рудольфом и опускал взгляд вниз.

Тот говорил ему:

–Я уже готов на любые крайности, лишь бы заполучить твою невесту Джессику.

–Я просил её уступить Вам,– мямлил деревенский парень.

–Вот как?! А ты уже пробовал свою невесту?

–Что Вы! Джесс бы меня прибила: положи я хоть руку на её колено.

Феодал улыбнулся, мечтательно поддакнул:

–Да, она такая...гордая и боевая.

Рыбак взял инициативу в свои руки:

–Я мог бы пригласить Джессику на ночную рыбалку...Её отец нас уже отпускал за орехами...Вы подкрадётесь к нашему шалашу ночью и без помех сможете наслаждаться этой девушкой.

–По рукам. Скажешь: на какое число назначишь рыбалку, и если дельце выгорит – я тебя вознагражу.

Жених окликнул Джессику через забор её дома. Девушка кормила кур крупой во дворе.

Он спрашивал:

–Пойдёшь на ночную рыбалку?

–Да ты опять уснёшь с удочкой!– смеялась Джесс.

–Кто поймает меньше рыбы, тот играет в теннис с моей мамой весь день!

–Твои братья идут с нами?

–Если хочешь, то они пойдут,– лгал Ирвин.

–В компании веселее,– закивала девушка.

–Завтра ночь обещает быть тёплой и без ветра.

На небосводе роскошная красавица луна гордо обводила взором прислужниц звёзд.

Джессика танцевала голыми ногами на берегу реки с кружкой в руках.

–Ты выпила?– удивился Ирвин, причаливая на лодке к берегу, игриво продолжал,– А я не знал, что ты – малолетняя пьянчужка.

–Это грог для согрева, чтоб не простыть. А какое у тебя рыбацкое прозвище?

–О, ты знаешь о наших английских рыбацких традициях...Да, рыбакам дают прозвища, иначе русалки и другая

нечисть, узнав христианское имя, может утащить человека к себе. Прозвище мне дал Сильвер – Кот, потому, что я ел много рыбы.

–Твой брат такой весёлый балагур...И он похож на баронета Рудольфа Дэллингридж. У тебя такой суровый отец, а мать ему рога соорудить не побоялась.

–Может, любила сеньора Джона...

–А, может, деньги любила.

–Давай уху варить,– перевёл разговор в другое русло парень.

–Давай подкоптим лучше.

–Как хочешь. Вот улов, сейчас выложу из садка в корзину.

Он стал возиться с рыбой.

Джесс радостно хохотала, опустила кружку на пень, схватила подготовленные жёрдочки, и, кружась, воткнула их возле костра, сооружая вертел для рыбы.

Из-за кустов баронет Дэллингридж наблюдал за Джесс. Ему нравилось её веселье. Рудольфу захотелось, чтобы Джесс также кружилась и хохотала и в его замке.

Он прошептал:

–Кажется, появился человек, которого я боюсь.

Но его услышал паж, переспросил:

–Неужели? Кто это, сэр? Кто из врагов?

–Это вон та девчонка. Я боюсь, что она опять пошлёт меня к чёрту.

Джессика хвастала Ирвину, показывая улов:

—А я на удочку с берега поймала вот этих двух щук.

—Да как ты их подманила?!

—Ты ещё больше рассвирепеешь, если я поймаю ещё парочку рыбок.

—Я думаю: рыбы достаточно на сегодня.

Они сели у костра. Джессика взяла прут, чтобы насаживать рыбу.

Из кустов вышел баронет со своей свитой, говоря:

—Ты — болван, Ирвин, есть более приятный способ проводить ночь с девушкой.

Паж пошутил поговоркой:

—У каждой собаки есть свои радости.

Дэллингридж пугал девушку:

—Мисс Вангурд, я думаю: ловить рыбу в моей реке не особо законное предприятие.

—Не слышала о таких новых законах. Это же не Ваш личный пруд.

Рудольф, усмехаясь:

—Пошутил, видать, я неудачно. А ты — смелая девушка, Джесс. Вдвоём с парнем пошла на рыбалку на всю ночь...

—Даже раб вправе иногда доставлять себе удовольствие,— парировала Джессика.

Баронет заботливым тоном заметил:

—В такую холодную погоду, а тёплых чулок не надела...

—А сеньоры заботились бы не о крестьянских задах, а о крестьянских животах,— дерзила девушка.

–Разве мои подданные голодают?

–Но и не жируют,– докладывала крестьянка.

Рудольф раскрыл секрет её жениха, поблагодарив:

–Спасибо, Ирвин, за то, что привёл Джессику сюда.

Девушку бросило в жар, она зло глянула на Ирвина, затем
вопросила у барона:

–Вам бы понравилось, если бы меня, как овцу, принесли
Вам в кровать, связанную и безропотную?

Тот изобразил напряжение и отвечал:

–Пожалуй...нет. Какая радость от победы над безоруж-
ным врагом? Ирвин, ты здесь не нужен.

Рыбак послушно ушёл.

Сеньор Дэллингридж приблизился к костру, говорил:

–Иногда мне снится, что я целую тебя...Но даже во сне:
стоит мне коснуться тебя, как ты исчезаешь или я просыпа-
юсь.

Он сел рядом. Джесс смотрела на огонь.

Баронет приказал своим людям:

–Отойдите подальше.

Те исполнили волю господина.

Рудольф начал трясти плечи девушки и взывать:

–Джесс, ну неужели ты не видишь, как я страдаю от любви
к тебе? Это не фальшь, это страсть, Джессика.

–Оставьте меня! Вы мне не нравитесь!

–Тебе нравится этот продажный щенок Ирвин?

–Уже нет! Буду искать другого жениха!

Он ударил её по щеке. Девушка поражённо уставилась на него.

Тот покаянно склонил голову, бурчал оправдания:

–Прости, я проявляю себя каждый раз с наихудшей стороны. Но, надеюсь, я могу быть ласковым...

–Если Вы будете бить меня, как собаку, то я буду лишь кусать Вас, а не целовать.

Рудольф поднял голову, пытливо смотрел в её глаза:

–Неужели ты можешь кого-то целовать? Сама по доброй воле?

–Дайте мне неделю всё обдумать. Вероятнее всего, я сама приду к Вам.

Мужчина вдруг заплакал, слёзы побежали по его щекам дружными ручейками. Это потрясло Джесс.

Он говорил ей:

–Чему ты удивляешься? Что жестокий деспот заплакал? Сокровенные глубины души мягки и ранимы у каждого.

Баронет встал и ушёл в заросли леса.

Девушка побежала домой, оставив рыбу лежать в садке у потухающего костра.

Сильвер поднял голову с подушки, когда Ирвин плюхнулся на кровать рядом, спрашивал:

–Где Джессика? Ты её уже проводил домой?

–Не знаю где она!

Старший брат привстал на локтях на постели, сквозь по-

лумрак с сомнением старался разглядеть лицо Ирвина, допытываясь:

—Постой, ты что-то не договариваешь! Что случилось? Ты приставал к ней?

—К ней пристанешь! Я оставил её с Рудольфом Дэллингриджем.

—А откуда баронет знал, где её искать?

—Отстань!

Сильвер вскочил и стал дубасить младшего брата, выговаривая:

—Ах, ты подлый предатель! Продал собственную невесту!

—Мама, успокой своего первенца, он меня сейчас убьёт!!!— звал на помощь Ирвин.

Рудольф за завтраком, где присутствовали лишь родители, объявил, дав знак слугам удалиться:

—Я женюсь на дочери мастера Вангурда.

Неожиданное заявление сына заставило мать и отца замереть.

Джон, недоверчиво сузив глаза, вопрошал:

—Ты до сих пор не одарил зелёной юбкой простушку?

—Я не внял советам друзей. Я хочу сделать Джессику Вангурд своей женой.

Француженка-мать рассеянно интересовалась:

—Почему Рудольф должен был подарить простолюдинке зелёную юбку?

–В Англии занятие сексом на траве подразумевает одарить любовницу зелёной юбкой,– разъяснил муж.

Гюбетта воскликнула:

–Сын похож на тебя – такой же влюбчивый и сумасбродный!

Дэллингридж-старший подхватил:

–Поэтому я хочу львиную долю оставить младшему сыну. Тот более последователен, более бережлив, более ответственный. Он скромн и добр.

–Чисто монах,– ухмыльнулся старший сын.

–Зато ты будешь посмешищем! Притащить в замок девку из трущоб!– взревел отец.

Неожиданно мать вступилась за старшего сына:

–А женись по любви! Хоть какую-то часть жизни проживёшь в радости. Я годами просыпалась с чувством ненависти и засыпала с чувством ненависти к твоему отцу. Вся жизнь отравлена этой ненавистью... А твою Джессику я назову племянницей из Франции. И будет она благородного рода. Кто поедет проверять родословную снохи лордов Дэллингридж?

В трапезную залу вошёл бледный герольд и сообщил:

–Сеньоры, баронет Вейланд Дэллингридж ночью был разорван волками, нападшими на отару.

Гюбетта закричала пронзительно и дико.

Джон пробормотал:

–Надо похоронить его с клоком овечьей шерсти в руках, как всех пастухов, для оправдания на Страшном суде за про-

пуски воскресных служб.

Трактирщица Агнесса полушёпотом, стоя в дверях зала своего заведения, говорила официантке:

–Людей, будь то друзья или муж и жена, что-то должно сближать. Иначе они станут неинтересны друг другу и их жизненные пути разойдутся. Я решила воспользоваться любовью мужа к спиртному. Он пьёт и не замечает моих лет и неказистого лица.

Женщины глянули в зал трактира. Ричард Эверст в простой одежде сидел за столом и ел жареные рёбрышки.

Агнесса пошла к нему с кружкой крепкого эля, излагая прибаутку:

–Чтобы мужа распалить надо рюмочку налить. Хочешь ты признаний пылких? Тут нужна тебе бутылка.

Тот потянулся к кружке, отвечая:

–Можно было укреплять тело конными прогулками и фехтованием...но я бухаю – я выбрал душу.

Один из посетителей заметил:

–Я смотрю: Вы очень смелый, сэр Эверст. На такую страшенькую жену залазите. Вон она раздалась...видать, понесла.

Ричард вопросительно глянул на супругу. Та, улыбаясь, согласно кивнула. Рыцарь побледнел и выскочил из трактира.

Огибая знаменитую лужу у трактира, мимо шла Джессика

Вангурд.

Дворянин окликнул её:

– Меня согрел бы один Ваш взгляд.

Девушка оглянулась.

– Вы – сэр Эверст, муж Агнессы?

– Увы. Но я бросил бы трактирщицу ради Вас.

– Не смешите меня, милорд. Бросите трактирщицу, чтоб связаться с крестьянкой?

Джессика смеялась.

Шедший в трактир пожилой мужчина донёс до сведения рыцаря:

– За этой девицей уже безуспешно бегают один дворянин.

Сэр Рудольф Дэллингридж.

Глаза Ричарда зло сверкнули, он изложил свой план Джесс:

– Мы могли бы уплыть на другой конец Англии. У меня есть деньги.

Девушка остановилась. А вдруг сэр Эверст не лжёт? Он увезёт её подальше от Дэллингриджа, а там она сбежит от Эверста... Да, она не хочет уступить Рудольфу Дэллингриджу...

А дворянин убеждал:

– Я буду умолять Бога, я могу продать душу Дьяволу, лишь бы заполучить тебя!

Джесс приблизилась к рыцарю. Тот подозвал своего слугу, который привёл скакуна. Девушка позволила усадить себя в

седло коня. Ричард вскочил в седло позади неё.

Он отвёз её к лесу. Слез с коня, ссадил девушку. Та отошла на несколько шагов, опасаясь.

Муж трактирщики медленно переспрашивал её:

–Итак, ты хочешь, чтобы я сбежал с тобой?

–Да.

–Но как же моя жена?

Джесс неуверенно напомнила:

–Но она же стара и некрасива!

–Я не хочу огорчать её...К тому же она ждёт ребёнка...Моего наследника. Как ты могла поверить сказкам пьяного мужика?

Ричард ухмыльнулся и приближался. Девушка попятилась. Запнулась о корягу и упала. Схватила этот кривой суточок и ударила им по ноге насильника. Он взвыл и схватился за больное место. Джессика вскочила с земли и оседлала скакуна рыцаря, удрав от домогателя.

Бросила коня у трактира. Когда она привязывала скакуна сэра Эверста, её увидел Ирвин.

Бывший жених крикнул ей:

–Пришей себе зелёные рукава!

Зелёные рукава были обязательны в одежде проституток в Англии.

Джесс отвечала обидчику:

–Иди к чёрту, противный задолиз баронета Рудольфа!

Она не удивилась, когда нашла на крыльце пучок крапи-

вы. Откинула траву в сторону. Если хозяйева дома кому-то насолили, то под их дверь клали пучок крапивы. Особенным позором эта трава считалась для девиц. Но Джессика только рассмеялась.

Вслух она подивилась:

– Увидела сегодня Ирвина и удивилась себе: почему хотела стать его женой? Он мне отвратителен.

Её мать с утра ушла на рынок продавать шерстяные вещи, на вырученные деньги собиралась купить яблок, засушить на зиму. Джесс пошла в дом готовить ужин.

Сильвер, который поправлял забор, окликнул Ирвина:

– Куда принарядился?

– Пойду к баронету Рудольфу, расскажу ему, как Джессика Вангурд катается на коне сэра Ричарда Эверста, может, они куда-то в кусты ездили...

– Она одна на его коне ехала?

– Ну да.

– Значит – убежала от Эверста... А с тобой Джесс не разговаривает?

– Только к чёрту посылает! Что она о себе возомнила, хамка?

– Джесс не хочет с тобой общаться? А что ты удивляешься? Ты же её на деньги променял.

– Прибежит ещё ко мне. Вот бросят её господу, кому будет нужна?

Старший брат вскочил на забор, проверяя его крепость. Оттуда он увидел, как по реке Ротер плывут два корабля.

—Что-то подсказывает мне, что это не купцы, а пираты,— проговорил он вслух, потом крикнул среднему брату,— Беги, предупреди баронов Дэллингридж! Всё равно туда соби­рался!

Сам он спрыгнул с забора, схватил топор и побежал в сторону дома Джессики.

Люди с корабля сошли на берег, говорили по-французски. Крестьянские мужики схватились за рогатины и вилы.

Французские пираты заскочили в трактир, куда сэр Ричард Эверст только подбежал и отвязывал своего коня от оглобли. Один из пират длинным мечом эсток проткнул его насквозь. Этот меч использовался против кольчуги или латного доспеха, а мягкую живую плоть проткнул в момент. Под крики Агнессы из трактира выкатили несколько бочек спиртного. Но тут она увидела поверженного мужа и бросилась к нему. Плакала и причитала над телом.

Захватчики забежали в дома побогаче. Забежали и в дом Вангурдов. Джессика обварила кипятком одного, проткнула ухватом второго, бросила нож в третьего. Предводитель пират, здоровенный детина опешил у дверей её дома, затем расхохотался, наступал на неё всем своим мощным телом. Она била его кулаками, но тот одним ударом в ухо свалил её, взвалил на плечо и вынес из дома.

Капитан пират приказал двум своим матросам:

–Свяжите эту девку. Мне нравится эта боевая девчонка.

Пусть родит мне крепких бастардов, а то моя жёнушка рождает одних тщедушных девок.

Дорогу предводителю пират преградил Сильвер. Но сзади его оглушили дубиной, и он упал под ноги похитителю.

А капитан перешагнул через него и скомандовал:

–На корабли! Поплывём вниз к Ла-Маншу!

Ирвин, стоя во дворике замка, быстро говорил перед Рудольфом Дэллингридж:

–За помощью идут к сильным. С высоты Вашего замка, наверное, было не видно, как нашу деревню ограбили пираты-французы. Они побоялись напасть на Ваш замок...

Расталкивая охранников на мосту к замку, рвался Сильвер, крича:

–Пираты украли Джессику Вангурд!

–Пропустите его!– крикнул баронет страже.

Сильвер продолжал сообщать события, стоя уже перед Рудольфом:

–Джесс так яростно сопротивлялась, что привела в восторг их главаря. Её оглушили и утащили на корабль.

Отчаянное напряжение исказило мускулы лица баронета, рисуя неприятную гримасу.

Ирвин решил вставить:

–Возможно, Джессика Вангурд путалась с рыцарем

Ричардом Эверстом... Я видел, как она приехала сегодня на его коне...

Рудольф зло проскрежетал тому:

—А мне плевать: пользовался Эверст Джессикой или нет!

Он созвал своих людей и говорил:

—Наши проигрыши в Столетней войне дали повод французам думать, что им можно всё на нашей земле!

Из замка вышел барон Джон Дэллингридж.

Подошёл к сыну с вопросом:

—Собираешься идти на войну?

—Надо наказать пиратов-французов.

—Надень хоть доспехи.

—Некогда.

—Хорошо, что у тебя лучшие воины в округе: агрессивные, активные и сильные... А этот новобранец похож на тебя...

Джон Дэллингридж напрягся подошёл поближе к Сильверу, спрашивал у парня:

—Ты — старший сын Мэдов? Ты — Сильвер?

—Да, Ваша Милость.

—Этот пусть охраняет замок. Рудольф, оставь его здесь.

—Знаком с его мамашей?— сузил глаза баронет.

—Ни один ты любишь здоровых, деревенских девок,— огрызнулся отец.

Сильвер покраснел. Что он слышит? Старый сеньор шутит, издеваясь над сыном или вправду чудил с его матерью?

Рудольф огрызнулся с родителем:

–Зачем нужен при замке твой бастард?

–Это моя последняя воля. Хочу видеть всех своих сыновей подле себя. Обещай, что после моей кончины, не обидишь Сильвера.

–Сошлю в дальние земли, но не обижу,– согласно буркнул баронет.

–Я тоже пойду с отрядом,– заявил бастард.

Джон ему советовал, хлопая по плечу:

–Страх делает слабее. Ты не сможешь сосредоточиться на ударе, если будешь бояться.

Сильвер уверял:

–Я не боюсь врагов.

–Возьми мой меч.

Барон отстегнул своё оружие и протянул бастарду. Парень принял дар. Поблагодарил.

Престарелый хозяин замка говорил детям:

–Я буду ждать вас обоих, мои сыновья.

Людей сплотил дух мщения, они сели в ладью баронета и взялись за вёсла.

Рудольф поднял Сэлли с лавки для гребцов:

–Тебе негоже работать, как черни. Отныне ты заменяешь моего брата Вейланда. Надеюсь, ты во всём будешь лучше его. Статью, я смотрю, ты вышел. Как я сразу не догадался, что ты похож на меня не просто так.

–Мать никогда не говорила мне о настоящем отце...

–Как я ненавижу врагов! Негодование клокочет во мне.

Из глубин родовых хранилищ пробуждается древняя, звериная, хищная злость, выходит она кровавая и безумная, невидящая боли других существ, подхлестываемая ревностью и жаждой мести. И мои чувства верховодят мной.

Судно баронета Дэллингриджа нагнало два пиратских корабля у города Баттл, где двухэтажные разноцветные дома налипли друг к другу. Местами дома горели, видимо, пираты успели ограбить этот город и поджечь. Один из пиратских кораблей стоял у берега со сброшенным трапом, на него грузили награбленный скарб и провиант.

Рудольф выкрикивал заповеди «Библии»:

—Кто украдёт человека и продаст его, или найдётся он в руках у него, то похитителя предать смерти! А вы ещё, французишки, и деревню мою ограбили!

Пираты ответили английской поговоркой:

—Петух храбр на своей навозной куче!

Часть людей Дэллингриджа, под предводительством Сильвера, прыгнула с борта и поплыла к берегу.

Рудольф взял на abordаж другой корабль французов. Раздался первый лязг металла, сокрушительные удары мечей и сабель.

Сильвер рвался к трапу корабля противника. В бою ему показалось, что пираты движутся медленно, он же рубил так лихо, что люди из отряда брата стали тесниться к нему, он, будто давал им больше уверенности в своих силах. Накачен-

ные на стройке руки, словно всю жизнь держали меч, так ловко он управлялся оружием. Сильвер перепрыгнул через обоз, едва касаясь рукой поклажи. Ошеломлённый, зазевавшийся враг вмиг упал на землю, обливаясь кровью.

Пираты успели выстрелить из пушек по ладье Дэллингриджа. Часть судна разлетелось на щепки.

Баронет ожесточённо рубил одного за другим захватчика. Враги сопели от злости и сдавали позиции.

Люди под предводительством Сильвера тоже захватили французский корабль. Затем бастард пришёл на помощь брату добивать пират на другом судне.

Рудольф взял в плен предводителя пират и злорадно говорил ему:

–Кто сильнее, тот и прав. Так было всегда. Где вы держите пленницу?

–Посадите! Девушка в трюме. К ней никто не прикасался!

–Если это правда, то ты и горстка твоих уцелевших матросов сядете в лодку и да поможет вам Бог доплыть до родных берегов.

Сильвер преградил дорогу брату:

–Если ты любишь кого-то, то всё равно не вправе решать за него. В благодарность за спасение Джессика не откажет Вам, но дай ей волю выбирать самой.

–Не стой у меня на пути!

В тёмной трюме кто-то рыдал. Рудольф от своего фонаря зажёг фонарь на стене.

– Джессика, – позвал мужчина.

Девушка молча поднялась с пола и подошла к нему.

Он вопрошал:

– В награду за упорство и героизм я могу получить поцелуй?

Подступившее к горлу Джесс отчаяние парализовало тело, она молча согласно кивнула. И рыцарь принялся целовать её мокрое, всхлипывающее лицо.

– Ты теперь моя? – узнавал Рудольф.

Он был большой и сильный. Он защитил её от похитителей, когда она так нуждалась в освобождении... А любовь... может, она придёт позже?

– Да, я твоя, – бесцветно отозвалась девушка.

Мужчина радостно сжал её в объятиях сильнее.

– Я люблю тебя, – шептал счастливый рыцарь, – Моё сердце только недавно стало горячим, после встречи с тобой. До этого в груди был лишь кусок льда. А теперь я так счастлив любить тебя.

– День преобразования в моих глазах. При близком знакомстве Вы оказались не таким уж и страшным деспотом...

Дэллингридж вывел Джессику на палубу. В его глазах блесло торжество. Он благоговейно поглядывал на спутницу. Глаза Сильвера внимательно следили за выражением лица подруги детства. В её глазах усталость, обречённость... и ни

капли радости.

Рудольф заявил своим людям:

– Это французская баронесса Дезире де Эрво, сестра капитана этого корабля. Я освободил её и хочу взять в жёны.

Служивые подхватили инициативу господина радостным рёвом, не позволяя себе усомниться в подлинности его слов.

Лишь один мужчина в годах из слуг заметил в полголоса:

– Можно ли насильно заставить человека любить? Никогда. На лице девушки нет света любви...

От пурпурной авроры осталась лишь сияющая ниточка на горизонте. Через несколько минут и она, надавливаемая тьмой, растаяла.

Бывшие корабли пират пристали у замка. Крестьяне ликовали и зажигали факелы и фонари.

Джон Дэллингридж, глядя на разгружаемые мешки с кораблей, просиял:

– Результативное мероприятие вы провернули!

Рудольф говорил отцу:

– Твой бастард был на высоте. Отвоевал один корабль, затем пришёл на помощь мне. Может, оставить ему прежнюю фамилию Мэд, что означает бешенный?

Барон довольно хлопал Сильвера по широкой спине.

Некоторые мешки с провиантом люди баронета кидали крестьянам.

Мико и Дебора Мэды пробивались через толпу к Сильве-

ру. Джон Дэллингридж встал между ними и своим бастардом.

Барон заявил:

–Сильвер – мой сын, и жить будет отныне в замке.

Дебора побледнела, отступила от мужа. За измену в Англии муж может убить жену совершенно безнаказанно.

Мико наступал на жену, угрожаяще припоминая её слова:

–Теннис – это просто спортивные турниры и ничего больше?

–Барон Джон зажал меня в подвале, куда укатился мяч...

Я не сама прыгнула к нему в постель!

–Верится с трудом, шлюха!

Джон Дэллингридж сжал руку Сильвера, чтобы тот не бросился разнимать мать и отчима.

Мико ударил Дебору так, что женщина упала на землю. К ним подбежал Глени и заслонил мать, заплакав. Барон толкнул одного из слуг, указав на Мико, тот отдал мешок с сухарями Мэду-старшему. Мико гневно глянул на любовника жены, но подношение взял и понёс к дому.

Пока Рудольф распоряжался на корабле, Джессика ускользнула и подошла к родителям.

Грустно говорила:

–Наверное, баронет меня не отпустит от себя. Он назвал меня французской баронессой и хочет жениться на мне.

Мать радостно вскричала:

–О, счастливый случай, изменивший жизнь! Мы-то сначала

ла испугались, когда узнали, что тебя похитили пираты... А жизнь вот как распорядилась...

—Ну и какая радость выходить замуж за бешенного?— потупилась Джесс.

Онер закачала головой:

—Ты думаешь, тебе судьба каждый день будет призы в виде богатых женихов давать?

Озабоченный отец давал совет:

—Поласковой с мужем будь. Может, он и станет со временем поспокойней да поговорчивей.

Дочь усомнилась:

—Я не думаю, что у меня получится удерживать буйный темперамент будущего мужа.

Сзади них раздался голос Рудольфа:

—Вы её больше никогда не увидите вблизи. Это баронесса Дезире де Эрво.

—Как скажите, сеньор,— в голос молвили родители девушки.

Когда Рудольф повёл Джессику к замку Бодиэм, его отец догнал его и удивлялся:

—Ты прилюдно ведёшь дочь одного из деревенских мужиков в свои апартаменты?

—Папа, это теперь не дочь Вангурда. Это баронесса Дезире де Эрво, дочь поверженного мною капитана пират.

—Хороших же ты мне сватов нашёл.

—Ты же сам привёл в дом французскую дворянку, а я по-

вторую твои ошибки,— со смехом молвил законный сын.

—Я отдам Сильверу долю почившего Вейланда,— довёл до сведения Дэллингридж-старший.

—Но он же бастард!— возмутился Рудольф.

Джессика выпучила глаза, она ещё не знала, что Сильвер — сын барона Дэллингриджа. Она тут же вспомнила о намёках Деборы Мэд о покровителях, и эту странную схожесть Сильвера с Рудольфом.

Барон говорил законному сыну:

—Ты совершаешь поступки, не обдумав, и хотел, чтобы я оставил тебе всё?!

—Мне ничего не надо от Вас, отец,— подал голос, идущий за Джоном, Сильвер.

Слово «отец» бастард с трудом выговорил.

—Это буду решать я!— заявил барон.

—Делайте, отец, что хотите, но я женюсь на этой девушке завтра же,— неожиданно миролюбиво ответил Рудольф.

Джон Дэллингридж повёл Сильвера в бывшие комнаты Вейланда.

Джессика оглядывает гостиную.

Рудольф с улыбкой говорит ей:

—Теперь это твоё родовое гнездо.

—Гнездо? А, теперь понятно: почему здесь изображено так много птиц.

—Это фазаны. Они на моём гербе.

–Понятно.

–Тебе нравится, как перед тобой склоняется челядь? Тебя никто не обидел?

–Когда ты бедный, то все вокруг тебя злобны и сквернословны. Когда у тебя полно денег – вокруг тебя милые, добрые, улыбочивые подхалимы...

–О, да у тебя есть склонность к философии и анализу жизни.

Рыцарь потянул её за руку за собой, ведя в свою спальню.

В спальне Рудольф уложил Джесс на кровать. Садится рядом с ней. Девушку бьёт лёгкий озноб от страха неизвестности. Мужчина целует её лилейно, словно богиню, в щёку. Гладит её волосы и лицо. Затем он ложится рядом и вмиг засыпает. Джессика списала такое поведение, как усталость после боя.

Утром она проснулась в объятиях мужчины. Какое непривычное пробуждение. Запах чужого тела с крепким потом и пороха с прошлой битвы.

Рудольф проснулся, поцеловал невесту и поспешил потопрапливать служанок, чтоб обряжали новую госпожу к торжеству свадьбы.

Они по скорому обвенчались в местной церкви. И сели пировать. Стол, где сидят жених, невеста, бастард и родители Рудольфа находится в отдалении от остальных столов с людьми баронета, и остальным не слышно о чём говорят хо-

зьява замка.

Гюбетта посетовала:

—Рано отослали бедняжку Дору в монастырь. Сейчас бы хоть повеселилась на свадьбе.

Муж ей заметил:

—Ты в своём уме? До веселья ли вдове?

Джессика попробовала вино.

И восхитилась:

—О, я первый раз пью вино, оно такое вкусное...

Джон Дэллингридж процедил сквозь зубы себе под нос:

—Ну, конечно, привыкла пиво хлестать в подворотне.

Рудольф подвинул невесте вазу с фруктами, уговаривая:

—Поешь и эти диковинки.

Отец жениха отметил:

—Ах, Джессика, у тебя на руках малюсенькие бородавки...

—Да, они с детства меня преследуют. Сначала их колдовством вывела одна колдунья, но когда она ушла в иной мир, вернулись и бородавки. Тогда я сама заколдовала их, но вот опять бородавки появились...

Джон повернул голову к законному сыну, толкая того в бок:

—Заметь, баронет, она сама призналась, что является колдуньей. Твоя любовь к ней ничто иное, как наваждение, напущенное ею.

Рудольф отмахнулся:

—Если любовь – это колдовство, то пусть побольше будет

такого колдовства.

Его мать недовольно говорила:

—Мне не по себе, когда ты так с обожанием смотришь на простую крестьянку.

—Она такой же человек, как и мы,— пожал тот плечами.

—О, в бою — волк, а дома — агнец,— ехидничал отец.

Гюбетта подхватила:

—Похоже, твоя жена увековечится в легендах, как героиня, победившая диктатора-дракона.

Баронет заверил родителей:

—Не думаю, что моя склонность к насилию куда-то исчезнет. Соседям не стоит расслабляться.

Сильвер встал с места и присоединился к танцующим.

Джон Дэллингридж следил за ним, затем задумчиво молвил:

—У Рудольфа было всё, но он угрюм и нелюдим. Сильвер рос в голоде и нищете, а весел и добродушен...

Гюбетта говорила, злобно следуя взглядом за бастардом:

—Твой сын...от той белокурой теннисистки...он красив и статен...похож на тебя...но мне всё равно хочется убить его.

Вечером баронет попрощался с гостями, уводя невесту в спальню. Сильвер поймал Джесс за руку, благоговейно слегка коснулся её ладони и поспешно отошёл в сторону.

Мощное тело Рудольфа отказывалось подчиняться. Голая Джессика лежала рядом, но он не мог завладеть ею!

В сердцах мужчина толкнул жену:

–Тебе, что, не говорили, что надо ублажать своего мужа?

–А что я должна делать?

Баронет рассвирепел:

–Когда любят, то хотя бы целуют!!! Ты лгала у алтаря? Ты вообще бываешь искренней?

–Прости меня. Я, не любя, вышла замуж. Думаю, я смогу полюбить тебя...

Рудольф невнятно бормотал ругательства и одевался.

Девушка боялась пошевелиться. Когда муж выбежал из спальни, уткнулась в подушку и заплакала.

Баронет вбежал в кухню, пинками отправил поварят за дверь и набросился к толстой кухарке с приставаниями. Задрал ей юбки и отымел прямо стоя у каминной жаровни.

С кувшином на кухню вошёл Джон Дэллингридж и присвистнул, удивляясь:

–А я думал, ты у жены...

Сын, заправляя штаны, горячо говорил:

–Я хотел заниматься с Джессикой любовью непеставая день и ночь, но стоило ей появиться в моей спальне, как желание куда-то исчезло. И она не знает, как меня ублажать... Может, меня заколдовали?

–Берут в жёны пятнадцатилетнюю девчонку, а потом удивляются, что она ничего не умеет в постели, вот и бегут к другим! Есть ещё грустная закономерность: как только дол-

гожданная женщина становится женой, все её прелести и достоинства исчезают.

Повариха вытерла пот со лба и, как ни в чём не бывало, продолжила кашеварить, помешивая варево в котле.

Барон поставил кувшин на стол со словами:

–Хотел молочка на ночь попить, но, думаю, надо продолжить вечер вином. Пойдём, Руди, в погреб.

Тот кивнул и зашагал за отцом.

В коридоре отец вспомнил ещё одно обстоятельство, влияющее на потенцию:

–У любвеобильных мужчин есть, как ни странно, идеал женщины, муза, к которой они боятся прикоснуться. Да-да, с ними они вообще не мужчины.

–Это всё колдовство! Как это: со всеми подряд может, а с этой одной – нет?

–Не верь ты наветам старух. Пообвыкнешься со своей Джессикой, сможешь и её обрюхатить. А нет, так недолго и несчастный случай устроить.

Следующим вечером Джесс сидела в кресле в своей спальне и гладила рыжего кота, она не видела вошедшего мужа.

Рудольф предъявлял претензии:

–Ты чёрствая, жестокая дрянь!

–В чём дело?– испуганно переспросила жена.

–Кота ты 3 раза погладила, а меня ни разу!

Девушка вскочила, подбежала к мужу. Она едва коснулась

его губ.

И опять он выражал недовольство:

–У тебя губы холодные... Совсем ты меня не любишь...

И мужчина вышел из её спальни.

Джессика постояла в прострации посреди комнаты, а затем вышла следом и побрела по коридору. Хотела просто прогуляться по замку. Спустилась этажом ниже, где располагались комнаты прислуги.

За одной из дверей она услышала требовательный голос Рудольфа:

–Раздевайся быстрее, дрянь!

Любопытная жена открыла дверь и увидела, как её муж снимает штаны перед раздевающейся служанкой.

–Мой Бог... – слетело с губ Джесс.

Баронет оглянулся. Обомлел.

Проронил:

–Да... Женская интуиция заимствована у магов... Выйди, Джессика, ты мне мешаешь.

А что она возразит? Она, у которой за душой ни денег, ни положения... Джесс убежала в свою спальню.

Муж появился утром, оправдывался перед заплаканной женой:

–Это всё моя обида на тебя. Обида – реакция на твою не любовь. Но я по-прежнему люблю тебя... Только вот почему-то не хочу тебя, как женщину. Всегда хотел, а как ты попала мне в руки... расхотел... У одного французского короля

было также с женой, отец рассказал...

Джессика с надеждой вопрошала:

–Тогда, может, ты отпустишь меня домой?

–Ни за что. Я люблюсь тобой. Ты – украшение моего замка. Я не вынесу, если кто-то прикоснётся к тебе...

Девушка опять заревела.

Рудольф задумчиво проговорил:

–Я спас тебя из плена, но ты вновь попала в плен...ко мне.

Конец осени.

Гюбетта, Джон Дэллингридж и Джессика сидят в ложе для просмотра турниров. К ним подошёл разодетый в бархат Сильвер. Поцеловал руку мачехе, затем жене брата.

Джесс узнавала:

–Сэлли, в последнее время ты стал такой грустный...Даже угрюмый...Где твоя улыбка?

–Может, я стал старше... умнее...

–Тебе здесь не нравится?

–Отчего же? Здесь мясо каждый день. Работать не надо...Маши мечом да на коне скачи...

Гюбетта интересовалась:

–Сильвер, отчего ты не участвуешь в турнире? Заболел?

Тот отозвался:

–Уже иду переодеваться. Просто зашёл почтить дам.

Мачеха криво улыбнулась:

–О, какой воспитанный и галантный...

Джон Дэллингридж перешёл в ложу к соседям, там сидел сюзерен этих мест граф Арундел, давний друг семейства Дэллингридж.

Когда Сильвер удалился, Гюбетта заметила снохе:

–Ты сама-то вообще не улыбаешься.

–Мне изменяет Ваш сын.

–Изменяет? Ну и что. Глупости. Я вот 30 лет терплю пытку супружеской жизнью. Меня и били, и унижали. А уж измен было...почти каждый день. Почти все аристократки так живут.

Джессика с тоской подумала: «На турнирах иногда рыцари гибнут...Может, и я овдовею...освобожусь от этого странного мужа».

Сильвер сражается на арене на специальных тупых мечах с оппонентом, и брал вверх. Толпа улюлюкает и ревёт от восторга. Невольно Джесс поймала себя на том, что любит ладными и мощными движениями Сэлли.

Гюбетта заприметила:

–Ты глаз с бастарда не спускаешь.

–Я же его с детства знаю. Болею за него. А других же рыцарей я не знаю. Что мне за них переживать?

Пришла весна. Зацвели сады.

Рудольф и Сильвер ездили во Францию, король призвал их в качестве свиты послов, и всю зиму они пробыли там.

Вернувшийся баронет зашёл в комнату к жене и лилейно

едва прикоснулся к её лбу, хотел поспешно уйти, но Джессика крикнула ему вслед.

—Почему ты запретил выпускать меня из замка?! В этой золочёной клетке я едва дышу! Я хочу на волю, на простор лесов и полей!

—Хорошо, я разрешу тебе конные прогулки с моей мамой...

Девушка заплакала. Муж подошёл к ней и вытирал ладонями её слёзы, любовался красавицей.

Говорил:

—Я так люблю, когда ты плачешь... Тогда ты кажешься слабой...

—И сломленной? Тебе больше всего нравится видеть во мне пленную рабыню?

—Так живут все жёны,— пожал плечами Рудольф и пошёл к двери.

—Не все. От тебя я терплю твои приливы беспредельного эгоизма и нежелание принимать морали честного человека, верного мужа. Всё это и ведёт тебя к деспотизму.

Рудольф лишь на минуту поднял удивлённо брови, а затем спокойно отвечал:

—Мужчина может позволять себе ВСЁ. А хороший правитель должен быть тираном. Где ты умных слов нахваталась?

—Читаю в твоей библиотеке.

—Похвально. Хоть нашла чем себя развлечь.

И муж вновь оставил её одну.

В конюшне Джессика приглядывала себе лошадь. Там седлал коня и Сильвер. Гюбетта уже выезжала на своей кобыле из стойла в дальнем углу конюшни.

Сильвер подошёл к подружке, обеспокоенно упродил:

–Ты, может, уже беременна? И тебе нельзя на лошадь!

–Я не беременна! И даже ещё девственница!– зло вскричала девушка в ответ.

Мужчина растерялся:

–Как это возможно? Этот бабник Рудольф, который тебя боготворит...

–Вот именно: боготворит, не касаясь святыни!

Сильвер совсем опешил.

Джесс его подгоняла:

–Не стой столбом, помоги оседлать вот эту лошадь.

Тот не спеша принялся за дело.

Подруга его успокаивала:

–А вообще-то у нас всё хорошо, мы счастливы.

–Это просто какое-то бегство от реальности!– вскипел

Сильвер,– Кому хорошо? Ему? А тебе?

–Я сболтнула такую тайну... Не говори никому, а то Рудольф мне голову открутит...

–Ты ещё и не доверяешь мне... Как я могу предать тебя?

–Твой брат по матери предал меня. Твой брат по отцу предаёт меня...

–Но не я. Я тебя не предаю.

–Ты прав, моя душа угнетена...В садах душистый яблоне-
вый цвет, а сердце плачет от тоски без любви. Весна...а
любви нет.

Он помог Джессике вскочить на лошадь. Вывел из конюшни наездницу на скакуне.

Джесс слезла с лошади и шла по цветущему саду. Думала переживаниями: «Что за счастье бродить весенним утром, когда вокруг тебя прелестные цветы и песни околдованных любовью птиц! Вдыхать прохладный аромат, и думать сумасбродно и вразброс...о чём? О чём-то лёгком и приятном, как этот воздух, что наполнен сладостным цветением сливы и яблок. Вокруг меня витает предчувствие грандиозного события».

Вечером в спальне Джессики в вазе стояла охапка цветущих веток яблони.

Девушка спросила служанку:

–Ты нарвала?

–Бастард нарвал, велел Вам поставить. Станный букет...Яблоневый цвет – это несогласие в любви...Цветок льна и то уместнее дарить. Это означает: постоянство.

–А нет ли у тебя знакомой ведьмы? Хочу снадобья какого-нибудь, чтоб быстро и безболезненно умереть.

–Сейчас схожу за нужным отваром,– кивнула женщина-служанка.

И скрылась за дверьми.

Вернулась прислужница с баронетом Рудольфом. Тот подскочил к жене, ударил. Джесс упала на кровать, заплакала.

Мужчина зло выговаривал:

–Отныне эта служанка будет спать подле тебя.

Джессика сквозь слёзы сетовала:

–У меня совсем нет свободы.

–А что ты хотела, дорогая? Я не хочу терять тебя.

–Зачем я тебе?

–Любовь – ужасно терзающая штука. Мне больно жить с тобой, но невозможно без тебя.

В библиотеке Джесс разрешалось сидеть одной. Как-то туда зашёл за книгой Сильвер. Он тоже научился читать и частенько брал книги. Сегодня его волосы были зачёсаны назад, как у Рудольфа, были умащены маслами и блестели. Эта причёска вывела из себя Джессику. Она подбежала к нему.

–Зачем ты носишь причёску, как у Рудольфа?! Меня бесят эти зачёсанные назад волосы!

Она взъерошила ему волосы. Он поймал её руки. Быстро поцеловал её губы. Эти его глаза...горят жадной любви...Она в изумлении.

Сильвер бормочет оправдания:

–Прости, я не хотел. Хотя, что я говорю? Зачем вру? Всегда хотел сделать это.

И он опять жарко приник к её губам. От поцелуя она уже

не чуяла землю под ногами, стала воздушной, невесомой, влекомой за губами этого мужчины. Но она опомнилась, оторвалась от его губ и стала бить Сильвера по щекам.

Тот ухмыльнулся и проронил:

—Твой муж пришёл бы в восторг, увидев, как ты меня лупишь. Последнее время он плохо меня переносит...

Девушка выбежала из библиотеки. Ждавшая её у дверей в коридоре служанка побрела за хозяйкой.

Вечером за ужином Джессика заметила, что у Рудольфа скверное настроение, а Сильвера нет за столом.

—Что с Вашим сыном, мадам?— узнавала она у свекрови.

—Сбросил кого-то с обрыва, вот теперь и переживает.

Джесс обмерла. Вдруг служанка подглядывала за ней и Сильвером?

Она переспросила дрожащими губами:

—Мой муж Сильвера сбросил?

—Скажешь тоже! Брат ведь он ему,— недовольно отвечала Гюбетта.

За окнами сверкнула молния. Слуги второпях забегали, закрывая окна специальными деревянными ставнями в виде щитов с гербом баронов Дэллингридж.

Джессика сослалась на боязнь грозы и ушла к себе.

Кто-то шёл за Джесс по коридору. Она оглянулась.

—Сильвер?— удивилась девушка,— А я думала: это меня на-

гоняет приставленная ко мне служанка.

–Твоя служанка взяла на день выходной, пошла в деревню, чтобы навестить родных. Я ждал тебя здесь...

–Зачем?– недоумевала Джессика,– Чтоб извиниться за инцидент в библиотеке?

–Я с твоим мужем на войну уйду... Граф Арундел просил баронета разобраться со своим врагом...

–Здесь, в Суссексе?

–Да, в местечке, которое недалеко от знаменитого Уилмингтонского великана.

–Говорят, этот великан вырезан на меловом склоне...

–Посмотрю на чудо, если Бог даст.

–Храни вас Бог,– и девушка перекрестила друга детства.

Сильвер сбивчиво продолжал:

–Я хотел бы...Ну, чтоб...А.

Он махнул рукой, обнял Джесс и поцеловал в губы. От возмущения она хотела закричать, приоткрыла рот, но язык мужчины проник ей в рот, от неожиданного блаженства она забыла обо всём другом. Казалось, Сильвер пил и давал ей некую негу.

Когда он резко выпустил её из объятий и отстранился, Джессика, чуть не плача, изрекла:

–Ты всегда был бандитом! Даже муж такого себе не позволяет.

–Он просто дурак. Зато мне теперь не страшно умирать.

–Зачем тебе нужен был этот поцелуй? Чтобы унижить

нелюбимого брата?

Сильвер развернулся и уходил.

Вслед ему нёсся вопрос подруги детства:

–Ты идёшь воевать за интересы Рудольфа, а сам посягаешь на его самое дорогое – на жену! Почему?

Но мужчина не отвечал. Девушка побрела к себе.

Рудольфа с войском не было неделю. Джессика проявляла беспокойство. Вязала и сбивалась со счёту, вышивала и прокалывала пальцы.

Служанка сетовала:

–Ну что же Вы так переживаете? Что баронету будет? Он – счастливчик. Всегда из всех передраг выходит победителем.

–Сердце что-то не на месте...

А сама думает: «Сердце украли! Вот оно и не на месте...Ах, Сильвер, зачем ты играешь с моим сердцем? Ты всегда был для меня на пьедестале богов Олимпа – безусловно красивый и сильный».

В комнату вбежал слуга и сообщил:

–Вернулись люди баронета! Входят через мост! Меня послали сказать, чтоб Вы, баронесса, шли в его спальню...его несут раненого, истекающего кровью...

Джессика вошла в покои мужа. У его кровати столпилось много друзей. У кровати раненого сидели родители. Сильвер стоял у изголовья с опущенной головой, будто был виноват

в том, что не уследил за братом.

Слабым голосом Рудольф просил:

—Я прошу вас, товарищи и родня, если я не выживу, обвините мою жену в колдовстве и сожгите.

Его жену от таких слов будто обдал холодный январский мороз.

—На том свете тебе от неё какой прок?— не понимал сына Джон Дэллингридж.

—Не хочу, чтоб она досталась кому-то ещё,— отвечал баронет.

Гюбетта слезливым голосом сообщила:

—Я послала прислугу собрать по всем закоулкам старую, чёрную паутину. У вас в Англии ведь так принято останавливать кровь...

Кто-то заметил Джессику, провёл к мужу.

Тот попытался улыбнуться жене, но у него не вышло, жаловался:

—Восстановление сил и здоровья проходит медленно... Но я поправлюсь, чтобы любить тебя.

Она холодно пожала его ладонь и для приличия села рядом.

Вдруг барон Джон Дэллингридж упал со стула. Его унесли из комнаты Рудольфа.

Сильвер ушёл в комнату отца.

С этим переполохом о Джессике совсем забыли, её слу-

жанка осталась в комнате, и девушка решила выйти во двор замка. Сошла с крыльца и остановилась у перил. Глядела на небесную феерию.

Небо уже покрылось звёздами. Серп месяца необычайно яркий и звёзд, как будто больше. Вдруг по небосводу пронеслись два зеленоватых метеора.

Голос Сэлли сзади произнёс:

– Это ангелы бросают тебе звёзды под ноги, как цветы.

Джесс развернулась к говорящему и молвила:

– Твоя лесть не вскружит мне голову. Как там твой отец?

– Лучше. Мне вот тоже не спится.

– Ты можешь стать бароном.

– А ты вдовой.

– А я могу стать свободной от этого тирана-мужа. И смогу, наконец, вернуться домой.

– Не бросай меня.

– О чём ты?

Через глаза Сильвера струилась любовь, он открывал своё сердце:

– Моя любовь самая страшная – немая. Я молчал, когда ты была невестой моего брата Ирвина; я молчал, когда ты стала женой моего сводного брата Рудольфа... И я несказанно рад, что теперь могу говорить о совей любви.

Поражённая девушка зачем-то спросила:

– А если бы я вышла замуж за твоего младшего брата Ирвина? Ты ведь не стал проявлять свою любовь?

–Уже не знаю. Наверное, я бы стал тебя соблазнять.

–Да?!

–Или уехал куда подальше.

–Ты бы смог уехать?

–Раньше – да, теперь – нет.

–Но что изменилось? Я замужем за другим твоим младшим братом.

–Ты несчастлива...И ты так близко...

Джессика попятилась к крыльцу, запричитала:

–Но я не прошу утешать меня...Мои проблемы с мужем, возможно, временны...Когда-нибудь мы поймём друг друга...Вот выздоровеет...

–Если бы ты тянулась к Рудольфу, то не бегала бы от него по всему лесу.

Сэлли сделал шаг в её сторону.

–Ты не дотронешься до меня!– со злостью вскричала девушка.

–Конечно – нет. Чего ты боишься?

–Да ведь раньше ты был таким хулиганом...

–Раньше...Раньше я был просто дурак. Надо было отбивать тебя у Ирвина. Или ты любила Ирвина?

–Любила ли я Ирвина? Сейчас я понимаю, что – нет. С детства вместе, вот и думала, что это любовь.

–Но ты и со мной с детства. Однако в женихи выбрала младшего брата.

–Сэлли, но ты же хулиган! Дёргал меня за косички, драз-

нил, кидался косточками от слив.

–Это всё я делал, чтоб ты не догадалась, как ты мне нравишься.

–Странное проявление любви... Почему все влюблённые в меня непременно желают дать мне взбучки? Почему ты раньше не говорил о своих чувствах? Почему позволил Рудольфу жениться на мне?

–Сначала между нами стоял мой брат Ирвин...

–А когда Ирвин предал меня, почему ты молчал? Боялся Рудольфа?

–Я знал, что Рудольф найдёт нас в любом уголке Англии. Сбежать с острова у нас не было средств.

–Почему же сейчас ты осмелел?

–Я вижу, как ты несчастна в браке...

–Утешить захотел? Как это пошло!

–Я просто говорю о своих чувствах. Если ты любишь меня, то когда выздоровеет Рудольф, сбежишь со мной в Шотландию?

–Да. И не потому, что хочу сбежать от Рудольфа, а потому, что люблю тебя. И теперь ты затмил солнце, звёзды, жизнь... Не могу больше прятать свою любовь...

Сильвера обуял восторг, он подскочил к ней, схватил за руку и утянул в коридор с глаз стражей. Там он беспрестанно целовал её, будто боялся, что Джессика исчезнет, словно мираж. Ей показалось, что она и он растворились во Вселенной, смешались с небом и превратились в пылающую чувствами

звезду. У Джесс закружилась голова от нахлынувшего обожания к этому человеку, чужому, но столь близкому.

С лестницы послышался зов служанки:

–Миссис Дезире Дэллингридж.

Джессика оторвалась от возлюбленного и побежала к лестнице, отзываясь:

–Я здесь.

В комнату Сильвера постучали.

–Войдите,– пригласил он ночного гостя.

Вошла мачеха, оставив дверь открытой.

Криво улыбаясь, она предлагала:

–Я приготовила тебе отвар из трав.

–Но я не болен,– удивился Сэлли.

–Это бодрящий напиток. Для воинов.

–Я ничего не боюсь.

В открытую дверь вошёл Джон Дэллингридж. Он был слаб, держался за стену.

Барон предложил жене:

–Выпей глоток сначала сама, прежде, чем дашь этот взвар моему старшему сыну.

У женщины затряслись руки. Но она исполнила приказание мужа. И упала замертво.

Престарелый мужчина заплакал. Сильвер бросился к нему, обнимал.

Джессика с заплаканным лицом покаянно говорила у постели больного мужа, как ей казалось, спящего:

—Я пыталась полюбить тебя. Я старалась выискивать все твои лучшие качества...но видела перед собой твоего брата...Сильвера...

Раненый тяжело глубоко с судорогой вздохнул, открыл глаза и уставился на жену.

Говорил ей:

—Я не отдам тебя никому. Тем более нечестивому бастарду. Я прикажу его убить...

—Нет, прошу тебя,— всхлипнула Джессика.

—Тогда убей себя сама. Сейчас на моих глазах. И я буду спокоен.

—Не будет меня...и кто защитит Сэлли?

—Змея! Я так любил тебя...Я так люблю тебя. Нагнись, поцелуй меня в последний раз...Прошу тебя...

Девушка заметила, что Рудольф достал из под перины кинжал, но остолбенела.

Вошедший Сильвер успел подскочить к брату и сжать руку с холодным оружием.

Рудольф позвал своих людей, которые дежурили у двери:

—Друзья! Убейте этих двух!

Три рыцаря вынули мечи.

Один из них ухмыльнулся:

—Вместе им будет веселее умирать.

Сильвер спрятал Джессику за свою спину, говоря ей:

–Попытайся убежать, когда я буду драться.

–Нет! Я не оставлю тебя.

–Беги, я прощаю тебе побег.

–Я останусь с тобой. Я люблю тебя.

–Тогда я выживу. Любой ценой.

Бастард метнул кинжал Рудольфа в горло одному. Отбил атаку другого, проткнул тому живот. Третий нападающий разбежался, но Сильвер ловко отскочил, и тот рухнул на постель Рудольфа, нанося господину новую рану. Недотёпа попытался к двери.

Но там вошедший Джон Дэллингридж достал меч и заколол рыцаря. Затем барон подошёл к Рудольфу.

Тот говорил:

–У меня темнеет в глазах. Но я не дорожу жизнью потому, что уже самое лучшее сгорело вместе с сердцем. Я хотел убить Сильвера... Я хотел убить Джессику... Прости меня, отец...

Джесс бросилась унимать кровь с новой раны мужа, но кровь пошла у него изо рта. Девушка заплакала.

Сильвер обнял её за плечи, говорил:

–Твой муж хотел забрать тебя с собой на тот свет. И ему было плевать, что и мне без тебя нечего делать на этом свете...

Барон Джон Дэллингридж сквозь слёзы изрёк:

–Сильвер, даю своё благословение на наследие замками и всем моим имуществом. Отныне ты баронет Дэллингридж,

а после моей кончины станешь бароном. Вдову Рудольфа, если хочешь, можешь забрать себе, я против не буду.

Сильвер положил Джессику в подвенечном платье на своё ложе.

Она признавалась:

–Ты всегда был в моей душе. Сидел где-то очень глубоко, в уголке. Временами я вспоминала твой образ...и тут же прятала назад, в потаённое место.

–Хватит слов, сейчас я покажу тебе, как любят настоящие мужчины.

И он лёг рядом.

Кухарка спрашивала прачку:

–Ты скажешь новому баронету Сильверу, что у тебя сын от Рудольфа?

–Ты что! Его не хотел признавать родной отец, а Сильверу и вовсе не нужен претендент на титул и замок!

Джессика в доме родителей бежит в их объятия. Те счастливы видеть её.

Сильвер улыбается, ставит бочонок с вином на стол и общает:

–Теперь вы, Вангурды, будите жить с дочерью в моём замке Бодиэм.

Для обложки книги использовано фото автора, на которой девушка – автор Галина Губайдуллина, а парень с сайта стоками www.depositphotos.com